

Елена Казакова

ПРОКЛЯТАЯ СТАТУЯ

Елена Казакова

Проклятая статуя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076733

Проклятая статуя. / Казакова Елена: Перо; Москва; 2020

ISBN 978-5-00150-499-3

Аннотация

Издrevле в нашем мире существуют верность и предательство, добро и зло, искренность и ложь, так и в королевстве Духчар, спасая себя, многие способны переложить свои грехи на плечи других, даже на родных и близких людей.

Радексна, старшая дочь графа Хардока, виновная в гибели трёх человек, пользуясь любовью сестры – Тимилии избежала наказания. Маг короля – Эфтиан Января проклял невинную девушку, превратив её в статую. Однако справедливость была им восстановлена спустя столетия и Тилия вновь обрела жизнь, друзей и любовь, пройдя через испытания золотом, магией и предательством.

Казакова Елена

Проклятая статуя

Укрывая землю волнами белого тумана, не пропускающего под кроны деревьев первые лучи Солнца, встающего из-за двенадцати холмов, долина Андии пробуждалась от благодатного сна. Просыпаясь, птицы оглашали её чудесными трелями, а стрекозы и бабочки, украшали пёстрыми ленточками зелёные поляны, пролетая над хрустальными водами рек и озёр королевства Духчар.

Спрятавшись среди яркой листвы зелёных великанов, озеро Присн часто служившее путникам прибежищем в ночи и посреди полуденной жары, оно и сегодня оберегало покой восьми человек. Семеро из них, остановившись на крутом берегу, спали в своих повозках, а восьмой, расположился под кроной красавицы ивы, опустившей ветви до самой воды.

С озера подступал ночной холод, но молодой человек, сидящий у давно погасшего костра, ничего не замечал. Карие глаза графа были устремлены к противоположному берегу, и Эмирейк Мирантон не видел раскрывающейся утренней красоты леса, искрящейся в бриллиантовых каплях росы.

В ушах графа до сих пор звучал нежный голос и смех Эмиль, сестры его друга – Фердина Песинга. Четвёртый сын Бергтака Мирантона встретил Эмиль неделю назад на балу в столице, где сероглазая девушка поразила Эмирейка сво-

ей красотой и грациозностью, а белокурый ореол густых волос, сделал её похожей на ангела, который часто смущаясь, опускал взор. При этом щёки девушки, над одной из которых притаилась маленькая коричневая родинка, заливались румянцем.

Внезапно осознав, что уже рассвело, Эмирейк, оседлав лошадь, вскочил на неё, торопясь покинуть берег озера При-сн, ведь Фердин, пригласил его в родовое поместье. Завершив все свои дела в столице, Мирантон, постоянно думавший о Эмиль, отправился на юг. Преодолев расстояние, разделяющее столицу и замок друга за пять дней, он остановился ночью у озера, так как под облаками тумана дорога полностью скрылась из вида.

Выбравшись на просторы полей, Эмирейк сразу разглядел, купола башен за холмом, и сердце забилось чаще. Пришпорив лошадь, девятнадцатилетний граф Мирантон вскоре оказался перед замком, а так как он никогда не бывал в поместье, то Эмирейк с интересом рассматривал его. Две башни из светлосерого камня, выстроенные в виде арки, пропускали путников к мосту над рекой, проехав по которому, граф огляделся.

Посчитав башни, виднеющиеся над пятиметровой стеной, сложенной из крупных коричневых валунов, Эмирейк признал, что замок крупнее родовой колыбели Мирантон. Четыре овальные башни у массивных металлических ворот, слу-

жили ему стражниками, а герб, закреплённый на стене, указывал на грозных воителей, живущих в замке. На щите Песинг было изображено клыкастое чудовище, зажавшее в пасти меч. Фердин рассказал Эмирейку о легенде, которая передавалась от отцов к детям. Когда-то давно, его предок победил чудовище, что опустошало эти земли, а потом граф заставил грозного врага оберегать свой род.

Рассмотрев герб, Мирантон въехал в ворота и был буквально поражён, увидев широкую дорогу из мелкого золотистого песка, разделяющуюся на две и устремляющуюся вправо и влево. Каждую из них охранял каменный двухметровый страж-дикий лев, поднявший когтистую лапу и раскрывший пасть. Посмотрев вдаль, граф понял, что окружая, расположенный напротив ворот квадратной формы каменный фонтан, дороги сходятся перед двумя полукруглыми лестницами, ведущими к площадке и дверям замка. Нижний этаж выстроен из серого камня, а два верхних из белого. Мощные колонны, стоящие по четыре в ряд, поддерживают выступающий на несколько метров вперёд балкон с выходящими на него овальными дверями. Над балконами, второго этажа, возвышаются пять статуй ангелов с широко распахнутыми крыльями вокруг трёхметрового алькова. Эмирейку показалось, что внутри него виднеется ещё одна статуя, но он не успел её рассмотреть, так как позади раздался стук копыт, и графу пришлось проехать вперёд. Подойдя к нему, слуги проводили Эмирейку в замок, где уже собралось к завтраку

семейство Песинг и их гости, приехавшие в поместье накануне.

Вновь увидев Эмиль, Мирантон не смог оторвать от неё восторженного взгляда. Красавица, скромно опустив взор, поприветствовала друга своего брата и прошла в парк, который располагался в южной части их поместья. Фердин сопровождал её, и Эмирейк, восхищаясь семнадцатилетней сестрой друга, приравнивал Эмиль к райскому созданию. Будучи выше Эмиль ростом почти на голову, наследник поместья родился на три года раньше и считался любимцем отца, пока на свет не появилась девочка. Хотя глаза у Фердина и были серыми, такими же, как у Эмиль, но черноволосый и чернобровый, он казался Эмирейку чёрным коршуном рядом с белой голубкой, ведь внешне они были совсем не похожи друг на друга.

Вечером в поместье, заехали два графа, живущих по соседству, а с ними в зал вошёл старший брат Эмирейка – Димирон и Эмиль, улыбаясь, танцевала с ним. Позже, по просьбе гостей, девушка пела, а Эмирейк, затаив дыхание, смотрел на Эмиль. Это заметила мать красавицы и, хотя она уже привыкла к тому, что её дочь удостоивается восхищённых взглядов мужчин, Вейтели не понравилось такое внимание молодого человека. Эмирейк, не имеющий, ни собственного поместья, ни других достоинств, являющийся лишь четвёртым сыном не герцога, а простого графа, не имеет права думать, что он может на руку её дочери претендовать. Эмиль

должна блистать при дворе правителя, выйдя замуж за принца или уж, в крайнем случае, за герцога. Поделившись своими мыслями с мужем и получив его одобрение, она попросила Фердина указать Мирантону на ошибку, и убедить больше не посещать их и не искать встреч с Эмиль.

Эмирейку не спалось этой ночью, ведь чувства переполняли его сердце, и он не смог усидеть в комнате. Выйдя в парк, граф, пройдя до его центра, где пересекались четыре дорожки около фонтана, свернул и, оказавшись у стены, посмотрел на Луну, ярко сияющую на небе. Всюду видя образ возлюбленной, Мирантон, улыбнувшись, опустил взгляд к земле и увидел завитую плющом железную калитку. Заинтересовавшись, граф подошёл и отворил её. Посчитав, что за каменным забором продолжается парк, Эмирейк прошёл по тропинке, и удивился тому, что эта часть поместья была заброшена. Вокруг тёмными холмами высились заросли кустарников и деревьев, и граф хотел вернуться, но тут вдали заметил каменное строение.

Решив на него взглянуть, Мирантон, вскоре оказался рядом с квадратной часовней, напротив которой в лунных бликах, плескалось небольшое озеро. Заросшая плющом часовня, выложенная серыми прямоугольными плитами с остроконечной крышей и гербом рода Песинг, имеющая четыре колонны в центре и две ниши по бокам, перед которыми установили статую девушки, поразила графа.

Подойдя ближе, Эмирейк всмотрелся в правильные черты лица молодой красавицы, на плечи которой наброшена накидка. Голова украшена венком и немного повернута в сторону, а взгляд направлен на согнутую в локте левую руку. Пальцы её слегка сжаты, и в ладони скопилась вода от прошедшего недавно дождя, а на запястье надет ржавый браслет. Второй рукой девушка удерживает каменную накидку, и графу вдруг показалось, что она ненадолго остановилась и сейчас сойдёт со ступеней часовни.

Поклонившись статуе, Эмирейк захотел прочесть надпись, находящуюся над её головой, но не смог, так как большая часть букв была кем-то отколота. Посмотрев на левую от девушки нишу, Мирантон увидел каменную птицу, распахнувшую крылья, а переведя взгляд на правую – волка, положившего голову на передние лапы. Удивившись, что предки Фердина таких стражей у надгробия установили, Эмирейк рассказал статуе о своей любви. Описывая Эмиль, граф говорил только о её достоинствах, а потом, поблагодарив за то, что статуя его выслушала, сказал:

– Жаль, что боги не позволили вам, госпожа, увидеть Эмиль. Уверяю вас, если бы вы ожили, то сами убедились в том, что добрее и красивее, нет на земле девушки. Не сердитесь на меня, вы прекрасны, но Эмиль... ангел. Вы согласны со мной? Благодарю, и сожалею о том, что вас изваяли из камня. Я буду счастлив, если позволите стать вашим другом.

Эмирейку показалось, что голова у статуи слегка накло-

нилась, давая своё согласие и он, улыбнувшись, рассказал ей о своих родителях и братьях, и о том, что намерен просить руки Эмиль. Мирантон попросил статую умолить родителей девушки дать согласие на их союз и надеялся на её помощь.

На следующий день, когда часть гостей выехала из поместья, Эмирейк, решившись поговорить с девушкой, предложил Эмиль пройти с ним в парк. Сестра Фердина согласилась, но позвала с собой подруг, которым молодой граф рассказал о часовне. Захотев её рассмотреть, девушки уговорили Эмиль выйти в заброшенную часть парка.

Оказавшись на заросшей кустарником поляне, они медленно прошли до часовни и свернули к озеру, а Эмиль осталась около ступеней. Посчитав, что настал подходящий момент, Мирантон, опустившись на одно колено, сказал о своей любви, восторженно называя Эмиль единственной и любимой, той, ради которой он готов жить и умереть.

Девушка, нахмурившись, молча, выслушала друга своего брата, а потом подозвала подруг и с высокомерием и брезгливостью, поразившей Эмирейка, произнесла:

– Как посмел ты говорить мне о своей любви?! Разве я, дочь благородных родителей, давала повод думать, что когда-нибудь взгляну в твою сторону?! Да кто ты такой, что бы я тебя увидела?! Ни ума, ни красоты, ни положения при дворе. Ты нищее ничтожество, я презираю тебя!

Граф в мгновение ока был сброшен с небес на землю и

раздавлен тем, что идеал и госпожа его души, жестока и надменна. Увидев, что Эмиль собирается уходить, он умолял её:

– Я люблю вас, не отвергайте меня.

– Что можешь ты мне предложить? – со смехом спросила красавица.

– Верность.

– Верность? Кому она нужна?

– Всё. Я ради вас готов на всё, моя госпожа! – вскричал граф.

– Да я предпочту стать нищей! И пусть моя красота превратится в прах и мужем станет дряхлый и злой старик, но я никогда не выберу тебя в мужа! – воскликнула Эмиль, отталкивая влюблённого, и продолжая высмеивать его перед подругами, ушла.

Встав на ноги, Мирантон, не видя ничего перед собой, сделал несколько шагов и, споткнувшись, упал на ступени часовни. Сжимая голову руками, он пытался понять, за что девушка могла возненавидеть его.

– За что? За что? За что? Она моя жизнь, моя любовь, – прошептал граф, поднимая глаза к небу.

Увидев печальное лицо статуи, сын Бергтака сказал:

– Вы так спокойны и чисты, госпожа, и вы верны этой часовне уже много лет. Вы свидетель моей искренности и любви. Если бы боги позволили вам ожить и подтвердить мои слова, Эмиль поверила бы мне! Скажите, чем мог я вызвать гнев Эмиль, чем оскорбил? Я лишь хотел положить к её но-

гам мою жизнь, честь, верность, стать опорой.

Посчитав себя виноватым в таком ответе девушки, Эмирейк произнёс:

– Я должен догнать Эмиль и убедить в том, что я не хотел её обидеть.

Вновь поднявшись, сын Бергтака побежал к замку, но за это время Эмиль уже успела рассказать родителям о признании Мирантона и отец девушки, не позволив Эмирейку подойти к дочери, приказал покинуть его поместье. Заступившись за друга, Фердин увёл Мирантона в парк и убедил уехать. Он обещал поговорить с отцом и сестрой и написать Эмирейку.

В тот же день ворота замка затворились за Мирантоном, но вернувшись следующей ночью, он прошёл мимо озера и часовни к калитке. Войдя в парк, Эмирейк увидел две фигуры, медленно бредущие по дорожке. Узнав своего друга и Эмиль, сын Бергтака подошёл, что бы вновь попросить о прощении, но тут услышал голос Фердина, упрекающего Эмиль за то, что она была так резка вчера.

– Он глуп и нищ! Я не намерена терпеть его присутствие! Пусть больше на глаза мне не попадается! – воскликнула жестокая красавица.

– А как же его брат? – задал вопрос наследник поместья.

– Я не против того, что бы ты пригласил Демирона к нам.

– Потому, что он первенец и состояние отца перейдёт к нему? – спросил Фердин.

– Что если и так?! Я не собираюсь из-за чувств, в которые не верю, жить в нищете, – ответила Эмиль.

– Эмирейк добр и щедр, он умён и благороден, и эти достоинства важнее сундуков с золотом. Ты, ведь совсем не знаешь того, кого берёшься судить. Его верность станет твоим сокровищем.

– Не для меня. Я буду богата, как королева, не говори мне больше о нём, – прервала его сестра.

Надежда на примирение исчезла, а на замену ей пришли отчаяние и боль, ставшие бескрайними и губительными. От того, что Мирантон выслушал, его сердце разорвалось на тысячи кусочков, ведь для той, кого он считал богиней, Эмирейк ничего не значит и никогда не будет желанным. Мирантон был выше ростом, чем Фердин, не имел физических изъянов, но, ни внешние качества, ни душевные, Эмиль не оценила.

Вернувшись в часовне, Эмирейк сказал, посмотрев на статую:

– Я недостойн смотреть на Эмиль, потому что беден, и лишь король может стать её мужем. Эмиль всё для меня, а я для неё ничего не значу. Как же мне теперь жить? Ей не нужна моя любовь. Что ж, я не стану настаивать и, веря в свою судьбу, в то, что она благосклонна ко мне, найду девушку, для которой стану тем, кого она будет любить больше жизни.

Поднявшийся ветерок обещал пригнать тучи. Закрывая Луну, они вскоре проплыли над замком, но Мирантон ниче-

го не видел, кроме лица девушки, с презрением отвергшей его.

– Клянусь! Я стану для Эмиль и тысяч девушек тем, о ком они мечтают! – воскликнул сын Бергтака, после продолжительного молчания.

Взглянув в лицо статуи, граф добавил:

– Вам, госпожа, я доверял все терзания своей души и вы слушали меня, не отвергая и не прогоняя от себя. Ваш нежный лик поддерживал меня, а рука, открытая мне на встречу, предупреждала, что впереди ещё много боли, лжи и предательства, но я верю, что свыше мне уготована иная судьба. Простите, что я беспокою ваш дух, госпожа, но позвольте стать вашим избранником и положить к ногам свою верность, дружбу и отвергнутую любовь. Отныне я верен только вам и, теперь ни одна из красавиц не затронет моего сердца.

Подняв с земли острый камешек, Мирантон разрезал ладонь и оросил своей кровью ноги статуи, затем, глядя ей в глаза, произнёс:

– Теперь я твой избранник, а ты моя мечта: нежная и верная, единственная и искренняя. Прими мою клятву и позволь взять твой браслет. Ему взамен я оставлю перстень. Бабушка, отдавая его мне, просила передать той девушке, которую я полюблю.

Основание статуи при этом треснуло, а венок, расколовшись на кусочки, упал к ногам графа, но сын Бергтака этого не заметил. Он, сняв с запястья статуи браслет и надев себе

на руку, вложил в её ладонь золотое кольцо и покинул поляну с тоской в сердце и болью, которую считал, уже никто не сможет излечить.

Не прошло и часа, как на поместье обрушилась страшная гроза. Молнии, освещая небосвод, достигая земли, раскалывали и поджигали своды дубов. Ветер, вторя им, ломал и выворачивал с корнями деревья в парке, бросая их к озеру. Молния, ударив в купол часовни за каменной стеной, пронзила её до основания, а следующая искрящаяся стрела попала в голову статуи, и она покрылась мелкими трещинками. Третья извивающаяся кара небес угодила в сердце девушки и её рука, в которой лежал перстень Эмирейка, дрогнула, а потом пальцы сжались, скрывая его дар.

При следующей вспышке, озарившей часовню, статуя, оставив накидку, сошла со ступеней и ливень, пролившийся на поместье Песинг и горящую поляну, затушил пламя, но огонь не погас в душе, повернувшегося к часовне человека. Птица в алькове, стряхнув каменные оковы, взмахнула крыльями и, взлетев, опустилась на плечи девушки, став серебряным плащом.

Вначале неимоверная тяжесть придавила Тилию к земле, однако потом, вливаясь в неё, могущество и сила рода Января, приподняли и наполнили теплом и энергией, способными, как убить, так и исцелить любого человека. Волк, медленно потянувшись, встал и, перепрыгнув через ступени,

присел у ног хозяйки. Его чёрная короткая шерсть поднялась дыбом при следующем ударе грома, и он зарычал.

– Тише, Альф, тише, это всего лишь гроза. Мы дома, – произнесла девушка, погладив его по голове.

Карие глаза зверя, взглянули в васильковые человека, и ожившая статуя осмотрелась вокруг. Тимилия не узнавала этого места, так как когда-то перед часовней была зелёная поляна и широкое озеро, а сейчас заросший кустами лес и небольшое водное пространство заплывшее тиной.

– Неужели, он исполнил клятву? – прошептала Тилия.

Новый раскат грома вернул в прошлое, когда она юной девушкой бегала по просторам поместья и радовалась беззаботному детству. В те времена её называли Тимилией. Имя выбрал дед, ведь когда ему на руки передали внучку, он сказал:

– Она очень похожа на мою бабушку. Тимилия, пусть так её и зовут, это благословенное дитя.

Малышка росла спокойной и покладистой, в отличие от старшей сестры, непрерывно требующей внимания и заботы. Подрастая, Тилия стала опекать Радексну, защищать её, заступаясь перед отцом, который обожая младшую дочь, ни в чём ей не отказывал. Тимилия была хрупкой, подвижной и нежной девочкой, постоянно пребывающей в движении, и её золотистые локоны, вспыхивающие на Солнце, заставляли отца улыбаться и называть малышку звёздочкой.

Это вызывало у сероглазой русоволосой Радексны зависть и раздражение. Она хмурилась и злилась на сестру, но Тия, обладавшая жизнерадостностью, искренностью и добротой, любя её, ничего не замечала, хотя часто слышала упрёки. Радексна утверждала, что Тилию любят больше, дарят лучшие платья и украшения. Тимилия при этом сразу же ей всё передавала и никогда ничего не просила взамен, считая, что так должны поступать сёстры.

Радексне исполнилось шестнадцать лет, и Хардок стал искать достойного жениха. Девушка была красивой и стройной, да и породниться с родом Песинг хотели многие, поэтому к Радексне сватались десятки благородных семей, но она мечтала стать женой герцога Гердерика Карфока, живущего в столице.

Однажды увидев её, Милиарк Тимиролл, был очарован Радексной, а она, смеясь над влюблённым в неё мужчиной, гнала прочь. Граф умолял девушку стать его женой, а дочь Хардока, скучая, решила позабавиться и потребовала:

– Вы утверждаете, что любите меня, но я не верю. Докажите, подарите мне рубиновое ожерелье своей бабушки. Принесите его и тогда, возможно, я вам поверю.

Тимиролл, уехав, попросил старую женщину подарить ему золотую нить с рубинами, но она не хотела с ними расставаться, говоря внуку, что это память о муже. Милиарк вернулся к Радексне, предлагая другие драгоценности, но девушка, насмехаясь, называла его лжецом и трусом. Она при-

казала графу не появляться без ожерелья, прогоняя от себя.

Пробравшись ночью в спальню бабушки, юноша украл его, но старушка проснулась и граф, что бы она ни кричала, задушил ту, что во внучке души не чаяла. Дождавшись похорон, Тимиролл помчался в поместье Песинг и, встав на колени, протянул возлюбленной рубиновое ожерелье. Не ждавшая такого подарка, Радексна не знала, как теперь отвязаться от ненужного ухажёра и потребовала принести рубиновые перстень и серьги его матушки, уверенная в том, что графиня их не отдаст.

Вернувшись в замок, Милиарк просил матушку передать ему украшения, но она, не понимая, зачем они сыну, отказалась. Разозлившись, он, выхватив из-за пояса кинжал, ударил. Графиню спасло то, что она успела поднять руку и закрыть сердце, а сын, сорвав с неё серьги и перстень, убежал. Отец, узнав о случившемся, приехал в замок и ужаснулся, ведь любимый единственный сын поднял руку на мать. Граф приказал разыскать Милиарка, но его поиски ничего не дали. Не веря в то, что их добрый сын стал убийцей и вором, граф Тимиролл, являясь дальним родственником правителя, обратился к нему за помощью. Сочувствуя кузену, король попросил мага, служащего ему, найти потомка знатного рода.

Январи жил в двухэтажном домике в восточной части столицы с женой и пятью детьми, принимая посетителей в большом зале первого этажа. Войдя в его жилище, несчастные граф и графиня были поражены количеством полок и разно-

го размера баночкам с травами, настойками и мазями. Широкий стол у окна был завален свитками и раскрытыми книгами, а на полу, на огромной шкуре медведя, играли четыре мальчика, в возрасте от пяти до двенадцати лет.

Громко стуча каблуками, по лестнице быстро спустился среднего роста мужчина, немного полноватый, но шустрый. Длинные чёрные волосы с седой прядью, идущей от правого виска, свободно лежали на плечах, а его карие внимательные глаза, над крупным носом, казалось, улыбались. Маг, отправив детей наверх и предложив графине присесть, спросил у её мужа:

– Вы принесли то, что я просил?

– Да, это кинжал сына и платок моей жены, – сказал граф, протягивая их.

Сделав надрез на руке отца кинжалом, Ливари смочил в его крови платок рыдающей в кресле женщины. Подойдя к камину, он бросил шёлковую ткань в огонь и долго смотрел на алые языки пламени.

– Ваш сын влюблён. Ради девушки он убил старую женщину, задушил в её собственной постели, – наконец сказал маг.

Граф и графиня, в ужасе переглянувшись, прошептали:

– Нет, нет.

– Он убил, что бы подарить возлюбленной золотую цепочку. Хотя нет, это было ожерелье с кровавыми камнями. Хм, а эта женщина была одной крови с вашим сыном, и он убил

её без сожаления, ведь девушка стала его мечтой, смыслом в жизни, – медленно проговорил Эфтиан.

– Кто же эта девушка? – спросил убитый горем отец, осознав, что Милиарк задушил его мать.

– Не вижу лица, но знаю, сейчас он спешит к ней, что бы передать серьги и перстень, надеясь этим заслужить её любовь, – сказал Ливари.

Рыдая, графиня протянула руку мужу и тот, подойдя, обнял жену.

– Однако ваш сын не нужен ей ни с золотом, ни без него, – вдруг добавил маг.

– Почему же он едет к ней? – уточнил граф.

– Она приказала ему привезти украшения, – ответил Эфтиан, не сводя глаз с огня.

– Она?!

– Да, только когда Милиарк отдаст их, эта девушка прогонит вашего сына, и он не захочет жить, – рассказал слуга короля.

– Что? – не понял граф.

– Ваш сын бросится в озеро и утонет, – помолчав, произнёс Ливари.

Графиня потеряла сознание, а несчастный отец взмолился:

– Остановите его!

– Поздно. Милиарк, въехав на мост, взбежал по ступеням замка, – отказался маг, отходя от камина.

Достав с полки один из стеклянных пузырьков, он открыл его и поднёс к лицу графини. Женщина, застонав, очнулась.

– Вы видели, где находился Милиарк? – уточнил Тимиролл.

– Да, герб над замком: чудовище, держащее в клыках меч.

– Песинг, подлец! Я убью тебя! – вскричал граф, поняв, о каком замке ему говорит слуга правителя, ведь он был другом Хардока и приезжал к нему с женой и сыном в поместье несколько месяцев назад.

– Отец девушки не виноват перед вами. Он ни о чём не знает и верит, что его дитя – ангел, – возразил Эфтиан.

– Верните мне сына, – взмолилась графиня.

Маг покачал головой.

– Она должна понести наказание, – сдерживая боль и слёзы, проговорил граф.

– Чего вы от меня хотите? – спросил маг.

– Накажите её.

– Убить?

– Нет, пусть страдает, как мой сын, что бы ни было ей покоя, ни на земле, ни под землёй, – сказал Тимиролл.

– Проклятие несёт огромную силу и ляжет, как на её род, так и на ваш, – предупредил Января.

– Пусть так и будет. Жизнь не должна радовать тех, кто, используя любовь и доверие, убивает.

– Хорошо. Я поеду в поместье Песинг и привезу тело вашего сына.

– А она? – спросил граф.

– Справедливая кара постигнет её, – пообещал Эфтиан.

Милиарк, снова появившись в замке, удивил Радексну, ведь она, избрав жениха, не хотела видеть Тимиролла, но граф, вновь упав на колени, умолял её о любви. Девушка, сердясь, гнала его, и тогда Милиарк рассказал о том, на что он пошёл ради неё, убив бабушку и мать. Достав из кармана серьги и перстень, граф, вложив Радексне в руки украшения, и произнёс:

– Нет мне иной жизни, кроме как рядом с тобой.

Испугавшись того, что он натворил и, понимая, что его будут искать, дочь Хардока закричала на графа, требуя покинуть замок, потому что она выходит замуж за того, кого любит, а Милиарк ей противен. Оттолкнув его, Радексна убежала, и разум влюблённого помутился от горя. Пройдя мимо фонтанов и свернув к озеру, граф, войдя в него, утонул, не желая жить без любимой.

Вбежав в свою комнату, Радексна, дрожа, села у зеркала, боясь гнева отца Милиарка. Её напугал рассказ Тимиролла, но она, считая себя невиновной, проклинала его, однако золотые украшения, что он привёз, выбрасывать не стала. Ожерелье и серьги нравились Радексне, и она решила, уехав в столицу, надевать их, когда будет посещать королевский дворец.

Прошла неделя, но её не покидала тревога. Тимиролл

больше не надоедал признаниями, но Радексне казалось, что граф где-то рядом, и она постоянно нервно оглядывалась, гуляя в парке. Девушку радовало, что о его приезде не узнал её отец, и Радексна надеялась на то, что Милиарк покинул поместье.

На следующее утро, в её комнату вошла Тимилия и проговорила:

– Сестрёнка, платье ещё не выбрала? Что же ты сидишь, одевайся скорее. Гердерик и его отец уже приехали, нельзя заставлять гостей тебя ждать.

Радексна взглянула на четырнадцатилетнюю сестру, радующуюся тому, что выбор наконец-то сделан и скоро состоится свадьба.

– Если и дальше здесь будешь сидеть, то они уедут, и помолвки не будет. Давай, я тебе платье подберу, – предложила Тия.

Открыв дверцы шкафа, Тилия потянула одно из них на себя, но длинный шлейф зацепился за шкатулку и она, упав, раскрылась. Наклонившись, что бы её поднять, Тимилия увидела ожерелье и серьги.

– Какие красивые! Кто тебе их подарил? – спросила она.

Побледнев, Радексна забрала украшения и положила в шкатулку.

– Бабушка подарила? – настаивала Тилия.

– Чего пристала?! Уходи! – закричала на неё Радексна и девочка, ещё раз попросив поторопиться, вышла за дверь, не

обижаясь на сестру.

В огромном ярко освещённом зале присутствовали более восьмидесяти гостей, которые радостно восприняли объявление о том, что род Карфок и Песинг решили объединиться. Жених надел невесте на руку золотое кольцо и со всех сторон посыпались поздравления и пожелания.

Слуги открыли двери и пропустили в зал черноволосого мужчину с седой прядью на голове и начавшей белеть бородой. Его карие глаза, оббежав всех присутствующих, остановились на невесте и её сестре. Оценивая стройность девушек, и признавая, что младшая более красива, Январи, представившись, сказал, что привёз подарок одной из дочерей Хардока.

Хозяин замка много слышал о друге правителя. Удивившись приезду мага, он спросил, откуда ему известно о помолвке, ведь она только что состоялась, и никто не сообщал об этом королю.

– Я тоже о ней не знал, а приехал, что бы передать подарок вашей дочери, которая была знакома с сыном моих друзей, – сказал Эфтиан, удивив всех.

– С кем она была знакома? – сразу спросил отец жениха, которому такое сообщение не понравилось.

– С Милиарком Тимироллом, – открывая овальную шкатулку, ответил ему Январи, показывая золотую диадему, украшенную крупными рубинами.

– Он часто бывал в нашем поместье и очень мило со стороны родителей Милиарка прислать нам украшение, – улыбаясь, произнесла жена Хардока – Жемия, не видя ничего дурного в таком подарке.

– Мы не можем принять, – посмотрев на шкатулку, произнёс хозяин замка.

– Прошу, не отказывайтесь, примите... эта диадема хранила род Тимиролл не одно столетие и приносила их дочерям счастье. Вот только не знаю, кому её передать, я не вижу Милиарка, – проговорил с сожалением Январь.

– Мы уже три недели его не видели, – сказала Жемия.

Во время разговора, маг, не сводил взгляда с лица златовласой красавицы, но та и бровью не повела, услышав о Тимиролле. Посмотрев на украшение с рубинами, Тиля никак не отреагировала, что удивило Ливари. Поглядев на невесту, маг увидел, что девушка не сводит влюблённых глаз с жениха и ей и дела нет до подарка отца Милиарка. Снова переведя взгляд на младшую из сестёр, Ливари не поверил её радости и невинности.

Помрачнев, слуга правителя, вспомнил о гербе, что он видел в огне своего камина и тот, что был закреплён над воротами замка Хардока. Сравнивая его с тем, что висел на стене в этом зале над креслом главы дома, маг убедился, что ошибиться он не мог. Ливари видел Милиарка, проезжающего по мосту и стоящим на коленях перед девушкой в парке.

– Возьмите эту диадему, она подходит к ожерелью и серь-

гам, что недавно подарил Милиарк, – подумав, произнёс маг.
– Что подарил?! Кому?! – поразились отцы жениха и невесты, посмотрев на девушек, но те лишь пожали плечами.
– Вы ошибаетесь, – уверенно сказала Жемия.

Решив сначала всё прояснить, слуга короля не стал настаивать на своём и передал шкатулку хозяйке замка. Однако проведя несколько часов в обществе дочерей Хардока, маг так и не выяснил, ради какой из сестёр Милиарк стал убивать. Отец девушек предложил ему остаться и Ливари согласился, так как обещал Тимироллу восстановить справедливость.

Вечером, зайдя к сестре, Тимилия, радуясь за неё, благодарила Творца за то, что он даровал Радексне такого жениха. Их матушка, пожелав девочкам спокойных снов, оставила на столе шкатулку с диадемой и ушла. Осознавая, что родители Милиарка не могли прислать подарок после того, как он убил свою бабушку и напал на ту, что дала ему жизнь, Радексна, дрожа от страха, с ужасом смотрела на шкатулку. Ей было понятно, что маг правителя приехал не просто так. Скорее всего, его попросили наказать виновницу падения их сына, ведь войдя в зал, Ливари сразу спросил, кому передать диадему.

Эфтиан сомневался, и Радексна едва сама не выдала себя, когда гости стали рассматривать золотое украшение. Девушку порадовало то, что магу не было известно имя и сейчас,

теребя в руках шёлковый платок, Радексна старалась придумать на кого свалить вину. Сквозь пелену размышлений до неё донёлся голос сестры.

– И почему маг решил, что Милиарк кому-то из нас дарил украшения?

Подойдя к шкатулке, Тимилия, открыв её, ахнула, поразившись красоте диадемы, а потом удивлённо проговорила:

– Она с такими же камнями, как твои серьги.

Хмуро взглянув на неё, Радексна подумала о том, что Тилия всюду суёт свой нос и надо же было ей, доставая платье, уронить шкатулку.

– Сестра, это же тебе Милиарк подарил украшения. Что же ты молчала?! – спросила Тия.

– И что же я, по-твоему, должна была делать? В присутствии жениха и его отца признаться в том, что мне надоедал сын Тимиролла?

– Надоедал? – удивилась Тилия.

– Да, он с ума сошёл и преследовал меня! Требовал, что бы я за него замуж вышла! Заваливал меня подарками, хотя я и отказывалась их принимать! Я хотела вернуть все украшения его родителям, как только перееду в столицу, оказавшись под защитой мужа, – солгала её сестра.

– Так что же ты папе не сказала?

– Испугалась. Милиарк угрожал мне, кричал, что опозорит наш род и не позволит ни за кого другого замуж выйти, а я так люблю Гердерика, – нашла себе оправдание Радексна.

– Что нам теперь делать? Я слышала, как его отец расспрашивал девушек о Милиарке, – встревожилась Тимилия.

– И если герцог узнает правду, то не позволит мне войти в свой дом, став женой Гердерика, – проговорила старшая из сестёр, придумав, как избежать наказания.

Помолчав немного, она добавила, стараясь выдавить слёзы из глаз:

– Отец выгонит меня из замка.

– Не говори так.

– Если бы это случилось с тобой, он простил бы тебя, – сказала Радексна, закрывая лицо руками.

– Меня? – удивилась Тилия.

– Да, тебя он всегда прощает, а если от меня сейчас откажется жених, то позор ляжет на наш род, и я никогда уже не выйду замуж, не буду любимой.

– Мы должны всё рассказать, – подумав, произнесла Тия.

– Нет, отец меня убьёт, – отказалась Радексна, и слезинка скатилась по её щеке.

– Не убьёт, я скажу, что Милиарк дарил украшения мне.

– Он может тебе не поверить.

– Ради чести семьи я готова солгать. Я хочу, что бы ты была счастливой, – решила Тимилия, доставая из шкатулки рубиновую диадему.

– Но, что ты ему скажешь? – спросила старшая сестра.

– Скажу, что граф просил стать его женой, подарив ожерелье и серьги.

– И где же сейчас Милиарк?

– Он поехал за родителями, что бы они попросили моей руки, – вздохнув, ответила Тилия.

Достав украшения из шкафа и положив в шкатулку к диадеме, Тия ушла в свои покои, а Радексна, выбрав нежно-голубое платье с маленьким декольте, примерила его и улыбнулась.

Пройдя в кабинет Хардока, Тимилия поставила на стол шкатулку, удивив Жемию.

– Где ты их взяла?! – вскричал отец.

Уверенно произнеся выдуманную ложь, глядя ему в лицо, Тия сказала:

– Прости, я хотела дождаться возвращения Милиарка и его родителей.

– Отец Гердерика всех расспрашивал об этих украшениях и, боюсь, снова спросит, и не найдя ответа, отменит помолвку, – встревожилась Жемия.

– Придётся их показать, – решил Хардок и пригласил герцога в кабинет.

– Удивительно, что младшая дочь приняла дорогие подарки без вашего на это разрешения, – проговорил отец Гердерика, выслушав хозяина замка, так как считал такое поведение девушки недопустимым.

– Тилия приняла их в моём присутствии, – солгала Жемия, испугавшись, что он, забрав сына, уедет.

Тимилия была бледна и, не поднимая глаз, покраснела, стыдясь своей лжи. В кабинет медленно вошёл маг короля и, увидев драгоценности Тимироллов, помрачнел. В душе он надеялся, что ошибся и дочери Песинга невиновны в гибели Милиарка, но теперь, вздохнув, покачал головой. Январи предстояло покарать лживую красавицу, но так, что бы об этом веками вспоминали в её роду. Маг попросил Тилию надеть диадему и с разрешения отца, она обещала, так как считала, что родители Милиарка не сердятся на её сестру, ведь они прислали Радексне новое украшение.

Вечером Тия хотела выйти к ужину в зелёном платье, но её сестра, узнав о том, что произошло в кабинете, принесла ей бордовое с широким глубоким вырезом и настояла на том, что бы Тилия его надела. Будучи красивее сестры, Тимилия, на шею, которой Радексна надела ожерелье, вставив в уши серьги и закрепив в высокой причёске диадему, показала гостям королевой. Все восхищались Тилией и дарами Тимироллов, а ей было некомфортно в чужих украшениях.

Холодный и тяжёлый металл, хотя и сиял, давил на неё и Тилия хотела всё снять. Возразив, Радексна уговорила её не делать этого, и Тимилия весь вечер танцевала с галантными кавалерами, улыбаясь им, хотя с каждым часом ей становилось всё хуже. Красота и молодость, затмевали её бледность, а когда Январи попросил девушку танцевать с ним, то ладони мужчины показались Тици каменными тисками, сковавшими

запьястье и талию. Внезапно заболела голова, и стало трудно дышать, и тут Тилия увидела в конце зала Милиарка, стоящего около окна. Бледный, с синими кругами вокруг глаз, молодой граф печально смотрел на Тимилию и качал головой.

Повернувшись, она хотела предупредить о его приезде сестру, но Радексна улыбаясь, говорила с Гердериком. Тилия, снова посмотрев туда, где увидела Тимиролла, удивилась, ведь он исчез.

– Видишь его? И свои грехи тоже? – вдруг спросил маг.

Златовласая красавица взглянула на мужчину и у неё закружилась голова. Поддерживая девушку под руку, Январи, громко сказав, что в зале душно, вывел дочь Хардока из замка. За ними последовали хозяева и их гости, что бы подышать тёплым вечерним воздухом. Проведя Тимилию по дорожке, маг, не позволив ей остановиться, упорно шёл к центру парка. Тилия, обернувшись и увидев, что остальные отстали от них, спросила:

– Куда вы меня ведёте?

– На место твоего преступления, – ответил Эфтиан.

– Я вас не понимаю. Отпустите мою руку.

– За любой грех нужно платить, тем более, когда отняты три жизни.

– Я ни у кого ничего не отнимала. О ком вы говорите?

– О старушке, светом в жизни которой был внук и ожерелье, что блесит на твоей шее. О юноше, поднявшем руку на

свою мать, что бы принести тебе и кольцо и серьги, что ты не постыдилась сегодня надеть. Об умирающей от горя матери и неутешном отце, потерявшими из-за тебя сына. О несчастном влюблённом, отчаявшимся и отказавшимся от жизни, ведь ты его отвергла, – ответил Января и пошёл быстрее.

Из того, что сказал мужчина, Тимилия ничего не поняла, кроме одного: он обвинил её в гибели троих людей. Снова оглянувшись, Тия увидела счастливо улыбающихся отца и мать, стоящих в десяти шагах от неё. Их переполняла радость, ведь дочери выросли умными и красивыми, и после этой помолвки вскоре состоится вторая. Хардок, доверяя ей, ждал приезда Тимиролла и она, не желая омрачить его счастья, тихо сказала:

– Вы ошибаетесь.

– Продолжаешь настаивать на своей невинности? – нахмурился маг.

– Да, я никогда руки на животных не поднимала, не говоря о людях.

– Считаешь, что твои руки не обагрены их кровью?! О, как прекрасно лицо и как низка душа! Сознайся и избежишь праведного возмездия! – вскричал в гневе Января.

– Мне не в чем сознаваться, – проговорила Тилия, пытаюсь вырвать ладонь из руки мужчины.

– Что ж, ты сама избрала для себя наказание, – сказал слуга короля.

Желая возразить Января, дочь Хардока подняла взгляд

и снова увидела Милиарка у каменной стены, отделяющей парк от озера. Тимиролл был всё так же печален и бледен, а Эфтиан продолжал тянуть Тимилию к калитке. Понимая, что не справится с Январи, убедившим себя в том, что она кого-то убила, Тилия хотела позвать отца. Резко рванув её к себе, маг приказал:

– Довольно я слышал лжи, теперь молчи!

Внезапно язык одеревенел, и Тимилия не смогла произнести ни слова, а Январи провёл её к часовне, стоящей на берегу озера, где покоились предки рода Песинг. Поставив Тию спиной к ступеням, маг подождал пока подойдут гости и хозяин замка, а потом, проговорил:

– Я – Январи, друг и советник нашего правителя, приехал в поместье, что бы свершить возмездие. Род, некогда уважаемый в королевстве, осквернился подлым деянием, унёсшим жизни трёх невинных!

Услышав его, мужчины и женщины удивлённо взглянули на мага.

– Эта юная душа черна! Тимилия погубила доверчивое сердце Милиарка Тимиролла, потребовав подношения золотых даров. Из-за этого чудовища в обличии ангела, юноша убил свою бабушку и поднял руку на мать, а когда надоел обманщице, она его прогнала. Лишённый своего идеала, Милиарк не смог жить, осознав, что совершил, но возмездие всегда наступает подлецов, – добавил Эфтиан.

Васильковые глаза, распахнувшись, ужаснулись, ведь маг

объяснил, зачем приехал и почему её обвинял. В голове Тилии промелькнуло осознание того, что Тимиролл сделал всё ради её сестры, и именно Радексна погубила графа. Почему же сестра ей ничего не сказала? Отчего она не вернула драгоценности Милиарку и прятала в шкафу? И почему Радексна настаивала на том, что бы Тия надела эти украшения?

– Я ожидал, что Тилия раскается, но она всё отрицает, хотя доказательства её злодеяний видимы всем – это украшения рода Тимиролл, омытые кровью погибших, – продолжил обвинять маг.

Не понимая, какое отношение ожерелье, серьги и Тимилия имеют к гибели женщин и Милиарка, гости Хард ока возмутились.

– Чьей кровью?! Мы ничего не знаем о том, что они умерли. Кто убил их?! Причём тут Песинг и его дочери?!

– Замолчите! Я приехал, что бы справедливая кара постигла виновную – эту красавицу! – прогремел над озером голос Ливари.

Тилия, осознавая, что единственной защитницей является старшая сестра, умоляюще посмотрела на Радексну, протянув к ней левую руку, но невеста Гердерика отвернулась от неё.

– И вот каким будет наказание убийце: твоё сердце жестокое и холодное, как камень, и ты им станешь, напоминая своему роду о том, что отмщение всегда следует за предательством, – решил Эфтиан.

– Дочка, что происходит? Почему Ливари обвиняет тебя, а ты молчишь?! – воскликнул встревоженный отец, подходя к склепу.

Взмахнув рукой, маг остановил его. Сняв с Тимилии золотые украшения, Ливари заставил её подняться по ступеням и встать между двумя нишами.

– Ты будешь всё слышать и понимать, но не сможешь сойти с этого места. Пусть проклятие веками держит твою душу в тисках камня, что бы красоту нашего мира ты видела, но не могла прикоснуться к ней, – сказал маг.

Чувствуя, как кровь застывает в её жилах, Тилия перевела взгляд с отца на матушку, а затем на свою сестру, веря в то, что она не позволит свершиться несправедливости.

– Однако я не так жесток, как ты. Я позволю вновь дышать и ходить, если тебе принесут клятву верности и закрепят её кровью. Тогда каменные оковы падут, и ты последуешь за тем, кто изберёт тебя своей судьбой, и будешь с ним, пока не исполнишь его заветной мечты. Затем душа твоя достигнет ада или рая и это уже не мне решать, – добавил слуга короля.

Часовня качнулась и, подтянув к себе хрупкую фигурку, обволакивая её белыми клубами тумана, превратила в статую. Осознав, что стало с Тилией, Жемия без чувств упала на землю, а Хардок, ожив по разрешению Ливари, подбежал к склепу и коснулся дрожащей рукой лица статуи.

– Дочка, доченька, – прошептал он.

Гости Песинга с ужасом глядели на Ливари и на то, что

слуга правителя сотворил с синеглазой красавицей. Подойдя к отцу Гердерика, маг сказал:

– Не стоит считать, что сёстры разные. У них один отец и мать, а значит, и мысли и поступки одинаковые.

– Прочь из проклятого дома! – вскричал герцог, уводя наследника.

– Но, мы помолвлены, – возразил Гердерик, идя за ним к калитке.

– Я расторгаю помолвку! – ответил ему глава рода, удаляясь от склепа.

– Не покидай меня! – вскричала Радексна, но сын, покорный воле отца, даже не обернулся.

Слуги, перенесли Жемию в её покои, а гости быстро покинули поместье. Кухарка спросила Хардока, стоит ли ей отыскать лекаря и граф, вздрогнув, обернулся и побежал к замку, из которого уже выходил Ливари.

– Остановись! Кто дал тебе право карать невиновных?! Верни мне дочь! – потребовал Хардок.

– Она наказана по справедливости, – возразил маг.

– Кто это подтвердил?! Никто! Мы даже не знаем, где Милярк. Нужно его найти и он докажет, что моя девочка невиновна!

– Тело Тимиролла в озере напротив часовни, – сказал маг.

– Это неправда!

– Идём, и сам увидишь, – произнёс Ливари и проследовал в парк.

Нырнув в озеро в том месте, где указал им Эфтиан, двое из слуг Хардока вытащили на берег тело Милиарка. Ужаснувшись, граф воскликнул:

– Но, это не доказывает, что он погиб из-за моей дочери!

– Я подтверждаю, – заявил маг короля.

– Нет, нет. Тимилия невиновна, нет. Клянусь честью моего рода!

– Любой отец верит в невинность своего сына или дочери, пока сам не убедится в их подлости, но и тогда пытается защитить, – промолвил Ливари, понимая чувства графа.

– Я знаю, на что способна Тия и утверждаю, что в этих преступлениях нет её вины. Нет, ты ошибся, маг! Творец свидетель моим словам, моя доченька добра и честна, Тимилия наша отрада и сокровище рода Песинг! Ты покарал невинную душу, отпусти мою девочку! – воскликнул несчастный отец.

Покачав головой и приказав положить Милиарка в металлический гроб, что бы отвезти в замок Тимиролл, маг вернулся в столицу. В тот же день он сообщил правителю, что возмездие свершилось, и дочь Хардока наказана.

Прошли годы. Цветущая весна сменялась жарким летом, а ветреная осень снежной зимой. Однако это не повлияло на ледяной холод, сковавший тело и душу Тилии оттого, что она видела перед тем, как каменные оковы лишили её жизни. Это было лицо сестры. Радексна не была испугана или огорчена, как её отец и гости, стоящие около озера. Она усмеха-

лась, ведь ей удалось обмануть мага и свалить вину на сестру. Тия ответила за её грехи и теперь Радексна свободна и может выходить замуж за кого хочет. Избавившись от сестры, которую ненавидела, она стала единственным ребёнком в семье, и теперь любовь Хардока и Жемии достанется только ей одной.

Боль в висках сдавила голову и Тимилия упала на колени.

– За что ты так со мной жестока, сестра? За что? Я ведь тебя так любила, – прошептала Тилия, и горькие слёзы потекли по щекам при воспоминании об отце.

Сквозь потоки дождей, разрезающие небосвод молнии и порывы ветров, приносящих листву, ветки и наметающих сугробы, Тимилия видела Хардока, приходившего к часовне до самой смерти. Граф не поверил в то, что воспитал чудовище, даря дочери только любовь. Чувствуя, что скоро умрёт, он написал письмо королю и просил прислать в поместье Ливари. Помня заслуги графа перед королевством, правитель исполнил просьбу своего подданного.

Приведя мага к часовне, отец вновь потребовал вернуть ему дочь.

– Ты сошёл с ума от горя. Я могу понять тебя, но менять ничего не стану.

– Моя Тия невиновна в том, за что несёт наказание. Долгие годы я думал о том, что случилось, сомневался и проверял, пока сам не убедился. В том, что погибли те трое, есть

моя вина, – сказал граф.

– Твоя? – удивился Эфтиан.

– Да, я плохо воспитал дочь.

Ливари покачал головой, убеждаясь в том, что Хардок потерял разум и не осознаёт, что говорит.

– Не смотри на меня, как на умалишённого. Я утверждаю, что моя Тимилия невиновна. Да, слишком много подлости и несправедливости в мире и они не миновали этого дома, заразив своим ядом мой род. Ты ведь приехал в замок, когда состоялась помолвка моей старшей дочери. Помнишь ли ты об этом?

– Помню.

– Радексна старше Тици на два с половиной года. Она была красива и много мужчин просили у меня её руки, будучи очарованными ею, как Милиарк.

– Милиарк? – переспросил Ливари.

– Да, это в Радексну влюбился Тимиролл и ей приносил дары.

– Что? Почему ей, украшения же были у Тици.

– Успокоившись, я начал искать доказательства вины или невинности моей малышки: расспросил слуг и гостей, посещавших мой замок, которые позволили мне после твоего обвинения войти в свой дом. Выяснилось, что три девушки видели, как Милиарк оказывал Радексне знаки внимания, а она его сначала поощряла, а потом отталкивала, – рассказал Хардок.

Маг удивлённо посмотрел на статую.

– Тимилия была чиста и добродушна, она безгранично доверяла сестре и любила её. Не знаю что произошло, но считаю, она взяла вину Радексны на себя, не понимая всей серьёзности положения. Тилия не хотела, что бы тень подозрения упала на сестру, ведь состоялась её помолвка, – добавил граф.

– А где она сейчас? – спросил Ливари, вспомнив, каким спокойным было сердце Тимилии, когда он обвинял её.

– Радексна уехала и живёт на восточной границе королевства. Я написал, что умираю и передаю сокровища рода Песинг в храм, но она приедет.

– И зачем ей приезжать, проделав столь долгий путь?

– Что бы получить то, к чему всегда стремилась. Золото для неё важнее всего на свете. Покинув поместье после вашего отъезда, дочь отправилась в столицу, но восемь лет Радексна не могла выйти замуж, постоянно требуя, что бы я высылал ей золото. Потом она стала женой торговца и уехала с ним.

– Оставив вас с женой? – удивился слуга короля.

– К тому времени я уже овдовел. Жемия не вынесла разлуки с дочерьми и через два года умерла.

Маг нахмурился, чувствуя, что Хардок не лжёт ему. Неужели он совершил ошибку и наказал не ту девушку, что погубила Тимиролла? Нет, отец хочет оправдать дочь, что была радостью в его жизни, подумал Эфтиан.

– Я докажу тебе, что Тимилия ни в чём невиновата, – добавил граф, нежно коснувшись рукой головы статуи.

– Каким образом? – поинтересовался Январи.

– Когда приедет Радексна, я приведу дочь к часовне и заставлю сказать правду.

– Даже, если всё было так, как ты считаешь, ничего уже не изменить.

– Нет, ты снова ошибаешься. Моя девочка успокоится, ведь там, в глубине камня, душа Тилии не знает покоя. Я должен исполнить родительский долг, потому что не уберёг её от беды, от предательства сестры и ранней гибели. В жизни Тии не было весны, любви и радости материнства. В этом моя вина и твоя тоже.

Начавший сомневаться в правильности своего поступка, маг помрачнел и взглянул в безмятежное лицо статуи, а хозяин замка сказал:

– Ты ни в чём не разобрался и покарал ангела, позволив демону жить.

– Чего ты хочешь? – спросил Январи.

– Справедливости, – потребовал Хардок.

– Какой?

– Ты обещал, что Тимилия сможет жить, если ей принесут клятву верности, оросив статую кровью, – напомнил граф.

– Да, но это невыполнимое условие. Никто не полюбит камень и никогда не поклянётся ему в верности.

– Я молю Создателя, что бы он сжалился над моей девоч-

кой. Ты, получив доказательства её невиновности, должен исправить ошибку и Тию полюбит такой же добрый и справедливый человек, как она сама, я уверен. Хочу, что бы, когда это произойдёт, Тилия не оказалась одна. Ты должен дать ей силу и защиту, способную уберечь мою дочь от любого врага и демона, каким бы сильным и коварным он ни был. Обещай мне.

– Не верю в то, что Тимилия невиновна, – возразил маг.

– Обещай, – настаивал отец девушки и, разволновавшись, закашлялся.

Платок Хардока окрасился кровью, когда он приложил его к губам.

– Хорошо. Если всё так, как ты говоришь, то я передам Тилии свою силу и знания, придя к часовне, когда сам буду умирать. С позволения Творца твоя младшая дочь станет могущественным магом и никто, в том мире, где Тия окажется, не сможет ей противостоять, – пообещал Января.

К Хардоку подошёл слуга и сообщил о приезде Радексны. Граф, приказав подготовить для дочери покои, сказал магу:

– Завтра на заре я приведу Радексну, ты ведь сможешь увидеть её мысли, и значит, всё поймёшь, а сейчас отдыхай. Для тебя уже приготовлена комната с отдельным входом в левом крыле замка. Я живу в башне, и ни слуги, ни моя дочь тебя не увидят.

Только растаял туман, поднимающийся от озера, как Хар-

док и Радексна, пройдя по парку, и отворив калитку, направились к часовне.

– Зачем ты меня сюда привёл? – недовольно спросила красивая женщина.

– Разве приехав, ты не хочешь навестить сестру? – спросил отец.

Поморщившись, Радексна промолчала, понимая, что ей старику во многом придётся уступить, и пошла за ним.

– Тимилия любила эту поляну и озеро. Хорошо, что Тилия покоится здесь, правда? – проговорил Хардок, взглянув на статую.

Не желая задерживаться у склепа, Радексна разозлилась, а когда отец к ней повернулся, согласилась. Января, выйдя из-за дерева, показался графу и снова спрятался. Подойдя ближе к магу, Хардок, присаживаясь на скамью, что он сам приказал вкопать в землю напротив статуи, спросил:

– Как ты живёшь? Муж добр к тебе?

– Да.

– А дети, здоровы?

– Да.

– У тебя две дочери. Кого из них ты больше любишь?

– Они для меня равны, – хмурясь, ответила Радексна.

– Странно... дети, ведь такие разные. Вот тебя больше любила Жемия, а я обожал Тилию, называл ангелочком.

Вспомнив, как он любил младшую сестру, заботился о ней и всё прощал, Радексна помрачнела.

– Ты помнишь, какой она была маленькой? – уточнил отец.

– Нет.

– А я помню, как Тия начала ходить и говорить. Её первым словом было папа, и я так радовался тому, что Тимилия росла бодрой и здоровой. Лекари твердили, что после рождения девочка не выживет, ведь твоя матушка трое суток мучилась, пока не родила её, – рассказал Хардок.

Лучше бы Жемия не смогла родить, подумала Радексна, удивив Января. Маг чувствовал, как злость заполняет душу красивой женщины и то, что она направлена против умершей сестры.

– Мне часто снится тот вечер, когда к нам приехал маг правителя. Жуткий кошмар был лёгким ветерком по сравнению с вихрем, что перевернул наши жизни и поломал их. Он лишил нас радости и покоя, – печально проговорил граф.

Неужели опять придётся это выслушивать?! Ох, какая она у тебя была и умная и добрая, самая лучшая! Получила по заслугам за свои добродетели, мысленно в гневе вскричала Радексна, впервые посмотрев на сестру.

– И если бы боль и отчаяние не затмили тогда моего разума, этого бы не случилось, – вдруг сказал Хардок.

– Чего не случилось? – не поняла его дочь.

– Тилия не стояла бы там.

Радексна взглянула на отца, и он добавил:

– Там стояла бы ты.

– Я?

– Тимилия была чиста и невинна. Твоя сестра рассказала мне тем вечером, что сделает это ради тебя.

Брови Радексны приподнялись вверх, а старый граф обвинил её:

– Взяла на себя твою вину, надев украшения, что тебе подарил Милиарк. Неужели ты подумала, что я позволил бы Тилии так поступить, не понимая, чем грозит тебе открывшаяся правда после помолвки? Я не успел поговорить с тобой тогда, так сделаю это сейчас. Ты опозорила наш род, заставив сестру отвечать за свои грехи! Ещё твоя вина в том, что ты смолчала, когда сестру в камень заточали. Однако, позабыв о Тилии, ты бросила и свою мать, уехав на поиски счастья, отвернувшись от нас, как от прокажённых!

Да, а ты бы предпочёл, что бы я во всём сознавшись, исковеркала свою судьбу! Нет, пусть за всё отвечает та, что отняла у меня счастливое детство! Это вы всё делали для неё, а обо мне забывали! Вы любили только Тилию, а меня терпели за её жалкое заступничество! Ненавижу её!!! Ненавижу сейчас ещё больше, чем раньше. Она и умерев, мне жизнь испортила: из-за неё меня ни одна благородная семья не захотела видеть невесткой! Мне, как нищенке, приходилось в столице умолять впустить в дома тех, кто раньше искал моего внимания. Замуж я вышла за нищего и влачу жалкое существование в деревне опять из-за неё! Достаточно я страдала! Теперь заживу так, как мечтала! Вот умрёшь, замок

и землю продам и уеду в другое королевство! Куплю в столице дом и выйду замуж за герцога, забыв об орущих, сопливых детях и толстяке, которому приходится каждый день улыбаться, едва сдерживаясь, подумала Радексна.

Магу были открыты её мысли, и он от ужаса, схватился руками за голову. Ливари ошибся, наложив проклятие на девочку, пытавшуюся спасти свою сестру. Тем временем сероглазая женщина снова спросила:

– Зачем ты меня сюда привёл?

– Сказать, что знаю о твоих грехах, – ответил её отец.

– И что?

– Я расскажу всем о твоей подлости и ни одна семья в этом королевстве не примет тебя.

– Насмешил. Я уже это пережила и как видишь, жива.

– Да, ты жива, а моя девочка проклята, и я всем о тебе расскажу, – с болью в голосе проговорил старик, так как его подозрения подтвердились.

Глаза у Радексны потемнели, и она развернулась, что бы уйти, но пройдя несколько шагов, вернулась к отцу. Поднявшись со скамьи, граф посмотрел на дочь затуманенным от слёз взглядом, а жестокая красавица произнесла:

– Ты так любишь свою девочку и веришь в её невиновность, тоскуешь, что думаю, вам уже пора воссоединиться.

Взмахнув рукой, в которой блеснул кинжал, она с ненавистью взглянула на старика. Неожиданный такого от дочери, Января взглядом отбросил её к озеру. Упав на землю, Ра-

дексна потеряла сознание, а слуга короля, шагнув к Хардоку и увидев рукоять кинжала в груди графа, приподняв его голову, с сожалением сказал:

– Не ты виноват во всём. На моей совести гибель твоей жены и дочери, а теперь и ты умираешь из-за меня.

– Я прожил долгую жизнь и не жалею о том, что умираю.

– Честь Тии восстановлена. Как покарать Радексну? – спросил Эфтиан.

– Я не жажду отмщения. Исполни лишь то, что вчера обещал.

– Исполню.

– Пусть меня захоронят в этой часовне, рядом с предками и Тимилией. Я оставляю всё золото в гробнице прабабки, передай это моей девочке. И ещё скажи, что я её очень люблю.

– Она знает. Тилия всё видит и слышит.

– Прости меня, доченька, – проговорил граф и умер.

Очнувшись и увидев около отца седого мужчину, Радексна узнала его и, испугавшись, бросилась к калитке. Опустив голову Хардока на землю, маг, вытянув руку в её сторону, сжал пальцы в кулак. Почувствовав, что шею, что-то сдавило, сероглазая женщина закричала. Переместив руку к озеру, Января разжал пальцы, и дочь Хардока упала в воду, погружаясь в которую она продолжала кричать. Внезапно со дна озера вверх метнулась тень и тут Радексна увидела тёмное лицо Милиарка, протянувшего к ней руки. Сердце сковал ужас, но тут маг поднял Радексну над водой, и она услы-

шала то, что запомнила на всю жизнь.

– Ты хочешь её отпустить, но почему? – спрашивал у кого-то Января.

Кашляя и рыдая, убийца обвела взглядом поляну, но никого не увидела.

Поначалу посчитав, что Эфтиан говорит с её отцом, позже Радексна поняла, что маг обращался к статуе.

– Она же погубила ваш род, разве это можно оставить без наказания?! Ты прощаешь сестру?! – вопрошал с гневом слуга короля.

Бросив красавицу рядом с телом погибшего отца, Января сказал:

– Живи и запомни, что умирая, они оба простили тебя и не потребовали возмездия. Только заступничество Тимилии остановило меня. Возвращайся к своим детям и воспитай их добрыми и справедливыми, ценящими любовь и верность. Попранная честь должна быть восстановлена для того, что бы погибшие души обрели упокоение, но они, любя тебя, отказались от мести. Помни тех, кто простил твой тяжкий грех.

Вытащив кинжал из груди Хардока, Эфтиан бросил его в озеро, и Радексне показалось, что его воды стали красными. Зажмурившись и повернув голову, она посмотрела на белую статую, губы которой улыбались, а рука, когда-то протянутая к сестре в мольбе о защите, сейчас прощала.

Января оставался в поместье до похорон Хардока, а потом уехал. Маг не стал ждать оглашения завещания, ведь он знал,

что граф оставил поместье старшей дочери, которая мечтала его продать. Однако теперь у неё рука не поднялась и Радексна решила подарить эти земли внукам.

Спустя два десятка лет, найдя способ передать статуе силу, маг приехал в поместье и, подойдя к Тимилии, сказал, снимая с руки широкий браслет:

– Моя беспечность и гордость от осознания того, что я могущественный маг и никому от меня ни укрыться: ни подлецам, ни убийцам, стоили тебе жизни. Прости меня, дитя. Эти годы я провёл в поисках твоего спасения, но, увы, проклятие нельзя наложить на человека, а потом стряхнуть, как пыль. Оно имеет огромную силу и, проходя сквозь столетия, не теряет её. Однако верю в то, что однажды, увидев тебя и, всмотревшись в ангельский лик, кто-то захочет стать твоим избранником. Этот браслет соединит тебя с ним.

Прочтя над медным украшением заклинание и разделив его на две равные половинки, одну, Января надел на левую руку девушки, а вторую спрятал за каменным плащом статуи.

– Когда придёт время и тот, кому суждено тебя освободить, раскроет перед тобой душу и принесёт клятву верности, диадема рассыплется на кусочки и с ними растает проклятие, сделавшее тебя статуей. Однако, Тия, тебе придётся последовать за этим мужчиной и исполнить его заветную мечту. Лишь после этого чары окончательно развеются. Вто-

рая часть браслета поможет отыскать твоего избранника, где бы он ни был. В помощь тебе я оставлю свой плащ, с которым ты получишь мою силу и этого пса, он не раз спасал мою жизнь и был верным спутником. Пусть Альф послужит и тебе, он сильный и умный, единственный кто не предаст, не бросит в беде.

Посмотрев в лицо Тимилии, маг добавил:

– Хардок оставил сокровища в склепе, и просил сказать, как сильно тебя любит, но ты и сама всё знаешь. Именно это чувство позволило твоему отцу добиться восстановления справедливости. Сожалею, что не могу вернуть тебе жизнь, где ты была счастливой со своей семьёй, ведь проклятие уничтожит единственную нить, соединяющую тебя с прошлым – диадему. Она могла бы перенести тебя через сотни лет, так как является кругом Жизни, начинаясь и заканчиваясь в одном месте. Над рубинами, древнее племя провело ритуал на крови идолов, и только они могли бы вернуть тебя назад. Прости, Тия.

Поднявшись с колен, дочь Хардока подошла к часовне и, наклонившись, раздвинула лежащие у стены опавшие листья, что бы убедиться в том, что Января в действительности говорил с ней. Увидев половинку браслета, она надела его на левую руку и раскрыла ладонь. При этом перстень Эмирейка засверкал и браслет, сжавшись вокруг её кисти, позвал за собой.

– Граф спас меня, разрушив каменные оковы, и я должна помочь ему. Я стану верным другом Эмирейка, только сначала исполню желание Эмиль. Спесивая красавица пожелала выйти замуж за старика, потерять красоту и стать нищей... Думаю, сила, переданная мне Января, позволит восстановить справедливость. Альф, подожди меня, – сказала Тимилия и пёс, поглядывая на удаляющиеся к западу сверкающие молнии, сел у лестницы.

Зайдя в часовню и удивившись тому, что видит в темноте, так же, как и среди ясного дня, дочь Хардока, приблизившись к надгробию прабабушки своего отца, с укрывающим его гербом рода Песинг, остановилась. Щит с чудовищем, в клыках которого зажат меч, пугал Тию с самого детства.

– Посмотри на него, ты ведь храбрая девочка, – вспомнились Тилии слова отца, когда он рассказывал дочерям о предках.

– Нет, папочка, я его боюсь.

– Не бойся Тия, это наш защитник и друг. Когда-то давно такие чудовища нападали на людей и наш предок, победив великана, не отнял его жизни. За это дикий зверь стал оберегать нас. Посмотри на него, доченька.

– Я боюсь, – повторила Тимилия зажмурившись.

– Закрыла глаза и боишься, – улыбнулся Хардок.

– Да, он смотрит на меня.

– А если мы закроем ему глаза, то он нас не увидит? – спросил граф.

– Нет.

– Тогда накрой их ручками.

Трёхгодовалая малышка заплакала и спрятала лицо на груди у Хардока, а Радексна положила ладошки на глаза чудовища.

– Тилия смотри, какая смелая у тебя сестра, – произнесла Жемия, обнимая старшую дочь.

Малышка осторожно обернулась и Радексна сказала:

– Он не кусается, Тили, и глаза у него ненастоящие.

Граф улыбнулся и поцеловал Радексну, ведь он любил обеих дочерей.

Воспоминания огорчили Тимилию и девушка, подойдя к голове чудовища, положила на его глаза ладони, затем надавила. Медленно камни опустились вниз, и щит сдвинулся в сторону, открывая перед Тией широкую лестницу. Спустившись, Тимилия увидела четыре ящика с золотыми монетами и восемь с драгоценными камнями и украшениями, стоящими около кресла. Наполнив три мешочка монетами, выбрав кулон с камнем в виде прозрачной капли на золотой цепочке, серьги, в которых белые жемчужины размещались по кругу и кольцо с крупными сиреневыми камнями, Тилия завернула их в кусок ткани, лежащий на столе. Под слоем пыли она увидела свиток, прикрытый до этого тканью. Подняв его, Тимилия прочла:

– Дитя моё, используй их во благо людей, будь доброй и

справедливой, и да поможет тебе Творец обрести покой.

Слёзы заблестели в глазах дочери Хардока и она, сложив свиток, убрала его в карман плаща. Вернув на место плиту, девушка покинула часовню и, позвав Альфа, прошла в парк, в котором прошло её детство, но не узнала его, так же как обмелевшее озеро, покрывшееся тиной и больше напоминающее болото. В парке появились деревья, широкие дорожки, клумбы с цветами и скамьи у каменных статуй. Подходя к замку, Тимилия увидела отъезжающие от него повозки и спросила у слуг, куда уехали их хозяева.

– В столицу, – ответил один из мужчин, даже не взглянув на неё.

Зайдя в конюшню и выбрав себе коня, Тия оседлала его и проскакала мимо слуг, открывших от удивления рты. Вскоре она обогнала кареты владельцев замка, медленно продвигающихся по дороге к центру Духчара.

Фейкус – отец семейства Песинг, толстый и пыхтящий при каждом шаге шестидесятилетний мужчина, приходился праправнуком внучки Радексны. Выглянув в окно, граф проводил незнакомку неодобрительным взглядом и проворчал:

– И чему только сейчас учат девушек?

Затем посмотрев на капризную дочь, которую пришлось ждать более часа из-за того, что она трижды сменила платье, Фейкус нахмурился.

– Что вас огорчило? – спросила полная краснощёкая

блондинка с мелкими кудрями, закрученными около висков, повернувшись к мужу.

– Ни уважения у них к старшим, ни заботы о них, – ответил он.

– Это правда, но вы иначе воспитали своих детей, – уверенно произнесла Вейте ли, щёки которой от природы всегда были румяными.

Она безумно любила и сына и дочь, и не допускала мысли о том, что у них есть какие-то недостатки. Эмиль, сидящая напротив, не слушала их разговора, думая о том, что через неделю в особняке её подруги состоится приём, и ей нужно успеть забрать у портного сшитые для этого платья.

Фердин ехал рядом, развлекая подруг сестры беседой. Когда сын графа Фейкуса услышал топот копыт по дороге, то обернулся и застыл, глядя на наездницу. На чёрном, как смоль скакуне, буквально летя над землёй, мимо Фердина проскакала красивая девушка в бордовом платье. Золотые локоны над васильковыми глазами в обрамлении тёмных ресниц, показались сыну Фейкуса ярче цвета небес, в которых Песинг сразу утонул. Незнакомка лишь на мгновение взглянула на него, и Фердин был покорён, не обмолвившись с красавицей словом.

Дивное видение исчезло за поворотом дороги, петляющей среди рощ и оврагов, а молодой человек так и остался стоять на месте. Подруги Эмиль, встревожившись, приказали остановить карету, и подошли к нему.

– Что случилось, Фердин? – спросила веснушчатая рыжеволосая девушка, коснувшись руки графа.

– Что? – отведя от деревьев взгляд, промолвил граф.

– Вы остановились и перестали отвечать нам, – проговорила худошавая брюнетка.

– Вы видели? – в свою очередь спросил Фердин.

– Что видели? – уточнила блондинка.

– Девушку.

– Кто из нас поразил вас? – с кокетливой улыбкой уточнила круглолицая Фитинья, поправив свои рыжие кудри.

– Я говорю о златовласой красавице, проскакавшей сейчас по этой дороге, – ответил сын Фейкуса.

Девушки обиделись, посчитав, что Фердин смеётся над ними, ведь все трое давно пытались завладеть его сердцем, но граф был вежлив и внимателен к каждой из подруг сестры. И тут Фердин выдумал красивую всадницу среди леса, что бы подразнить их.

– Мы никого не видели, – резко сказала Каэшь, нахмутив чёрные брови.

– Но, она проехала рядом с нами, – удивился граф.

– Нет, мы не видели ни всадницу, ни всадника, – поддержала её Фитинья.

Приблизившись к ним, один из слуг передал приказ Фейкуса подойти к его карете и сын не замедлил исполнить требование отца.

– Почему вы остановились? – спросил глава рода Песинг.

– Вашему сыну, дядюшка, мерещатся всякие глупости. Вчера он увидел в парке чёрного волка, а сегодня на дороге одинокую всадницу, – промолвила блондинка, которую звали Саэфи.

– Но, я видел волка у фонтана, – возразил молодой граф.

– Забудем о хищниках, проводите меня, – попросила Фитинья.

Вздыхнув, Фердин подал ей руку и помог взобраться в карету, где её уже ждали подруги.

Прибыв в Мэтл – столицу королевства Духчар на день раньше Песингов, Тимилия выбрала маленькую гостиницу и, оплатив комнату, договорилась с хозяином, что будет жить со своим псом. Мужчина долго не соглашался, но получив дополнительно четыре золотые монеты, позволил Альфу остаться. Заказав ужин, Тилия разговорилась с хозяйкой и женщина с удовольствием рассказала и о городе и о знатных господах, построивших удивительные по красоте особняки.

Узнав всё, что было нужно, Тимилия выбрала из десятка пожилых богачей троих и зашла в жилище каждого из них. Один из стариков был дряхл, глух и беззуб, и за такого Фейкус вряд ли выдаст любимую дочь, подумала Тилия. Второй был недостаточно умён и тратил всё своё золото на лошадей, а вот третий показался девушке подходящим женихом.

Подтянутый худой старик лет семидесяти, уже начавший лысеть с острым длинным носом и кривой гордой ухмылкой.

Падос Кармол был баснословно богат и занимал высокое положение при дворе короля Зьюфа. Если же Падос посватается, то будет благосклонно принят в доме Фейкуса, только вот чем его заинтересовать в женитьбе на Эмиль? Богатства Кармолу хватает, дети не нужны, ведь у него в предыдущем браке родились сыновья. Падос советник правителя и более высокого положения желать невозможно, так размышляя, Тилия сидела в большом светлом зале в правом крыле особняка, где кухарка, полная женщина невысокого роста, готовила ужин для хозяина.

Вбежавший четырнадцати летний кареглазый юноша, подошёл к столу и сказал:

– Господин пришёл. Ох, и лют же он сегодня.

– Что ты опять натворил? – огорчилась Отми, ведь Кармол вновь ударил её сына.

– Ничего, матушка, я только поклонился ему ни до пола, – ответил Ювик, потеряв красный рубец на щеке, оставленный тростью Падоса.

Взяв со стола поднос с вином и мясом, он поспешил в кабинет хозяина, но вскоре возвратился и на его щеке заалел второй рубец. Страшась того, что Кармол выгонит сына, Отми заплакала, а Тия спросила:

– За что на этот раз?

Удивившись тому, что матушка незнакомую госпожу в особняк впустила, зная, что хозяин не терпит в доме чужаков, юноша ответил:

– Пальцы на руках у него стали плохо сгибаться. Господин кубок с вином уронил, а я виноват.

– Значит, у него руки болят? – заинтересовалась Тимилия.

– Да, они сильно болят, их и ломит и крутит. Хозяин лекаря приглашал, да только мази не помогают. Вчера я видела, как он колено растирал. Видимо, и оно заболело, – промолвила кухарка, замешивая тесто для пирогов в большой кастрюле.

В зал вбежал седой слуга и выпалил:

– Хозяин требует, что бы ему ужин принесли!

Ювик побледнел и, поднимая поднос, на который его мать поставила три блюда, проговорил:

– Только бы тарелками не стал бросаться, как в прошлый раз.

– Отдай мне поднос. Я его отнесу, – вдруг сказала Тилия, поразив всех.

– Что вы, нельзя. Он чужаков жуть, как не любит. Убьёт и меня и сына, если узнает, что я вас в дом пустила, – испугалась Отми.

– Не бойтесь, господин не будет гневаться. Как зовут того лекаря, что не смог вылечить вашего хозяина? – поинтересовалась Тимилия.

– Пулиш, – ответил Ювик, отдавая ей поднос.

– Открой мне дверь и проводи, – распорядилась Тия.

Зайдя в большую комнату, прямоугольной формы, даль-

нюю часть которой занимал деревянный шкаф со стеклянными дверями и множеством свитков на полках, дочь Хардока остановилась перед хозяином особняка. Мужчина сидел за столом, скрестив руки на груди. Глаза его превратились в две узкие щели, и в них явно читалась ярость, которую он хотел излить на слугу. Ювик быстро закрыл дверь и Кармол вскричал:

– Ты кто такая?!

– Лекарь, – ответила незнакомка, поставив поднос на стол.

– Что?!

– Позвольте мне взглянуть на ваши руки, – спокойно сказала Тиля.

– Убирайся! Кто тебя впустил?!

– Пулиш мне рассказал, что не смог помочь, думаю, он не тем вас лечил, – проговорила Тия и, подойдя, прикоснулась к сжатой в кулак руке Падоса.

Кармол хотел, закричать на неё и прогнать, но гнев сменился удивлением, так как боль мгновенно исчезла. Граф разжал пальцы и они легко и до конца выпрямились, хотя минуту назад он их и наполовину не смог распрямить.

– Что это? Как ты сняла боль? – спросил советник короля.

– Мои предки унаследовали дар от древних богов. Они прикосновением рук исцеляли больных и продлевали их жизнь, – объяснила Тия.

– Ты маг, – догадался мужчина.

– Так нас порой называют.

Сжав и разжав пальцы, Кармол взглянул на синеглазую красавицу.

– Если хотите, я избавлю вас от этой болезни на десять лет, – предложила Тимилия.

– А потом?

– Никто не знает, что ждёт нас в далёком будущем, – уклончиво ответила девушка.

– И сколько золота ты за это хочешь получить?

– Золото меня не интересует.

Прищурившись, граф изучал лицо незнакомки, пытаясь разгадать, зачем она пришла. Тилия, обойдя вокруг стола, сняла с подноса тарелки и, поставив перед Падосом, добавила:

– Вы возьмёте в жёны девушку, которую я назову.

Брови старика взметнулись ввысь, и голос его прогремел в кабинете:

– Никто не смеет мне приказывать!

– Это ваше право, но учтите, после того, как судороги скрутят ваши руки, заболят колени и остальные суставы. От боли вы станете кричать, но тогда будет поздно. Сейчас я ещё смогу исцелить и омолодить ваше тело, однако благоприятные дни для излечения пройдут.

– Ты мне угрожаешь?! – вновь разозлился Кармол.

– Нет, рассказываю о том, что вас ждёт, если вовремя не примите помощь. Подумайте, я завтра зайду, – спокойно сказала Тия, отворачиваясь от него.

Подхватив со стола поднос выздоровевшей рукой, советник короля хотел бросить его в спину девушки. Внезапно пальцы Падоса разжались, а затем снова скрючились, заставив графа застонать от боли и злобно посмотреть на незнакомку.

– Решать вам, – произнесла Тилия, и тихо закрыла за собой дверь.

Слуги, опасаясь, что Кармол побьёт их, долго после ухода голубоглазой девушки не осмеливались подходить к кабинету, а Падос, растирая ноющие пальцы, думал о том, чего от него потребовал маг.

Утром, пройдя по улицам города, Тимилия нашла особняк рода Песинг, стоящий отдельно от других домов за озером. Спросив у ворот, приехал ли хозяин и, получив утвердительный ответ, девушка вспомнила о жестокой красавице, отвергнувшей верное сердце. Эмиль посмеялась над Эмирейком оттого, что граф, по её мнению, был недостаточно богат и не приближен ко двору правителя, а ведь она мечтала блистать и нежиться в распеваемых её красоте дифирамбах среди герцогов и принцев, точно так же, как Радексна.

Тимилию вновь охватили отчаяние и боль от предательства сестры и она, вздохнув, отошла от ворот, подумав, что после того, как Эфтиан передал ей свою силу, он уехал, и она не знала, где маг захоронен. Решив отыскать его потомков, Тия прошла к рыночной площади и спросила у одной из

торговок, к кому можно обратиться для излечения головной боли.

– К Пулишу, – ответила женщина.

– А вы знаете, где живёт Январи? – спросила Тимилия.

– Этот шарлатан Амстос?! Неужели вам золота не жалко?

– Мне посоветовала к нему обратиться кузина.

– Хм. Раз решили идти к нему, то монеты сразу не отдавайте.

– Почему?

– Пропьёт.

Тилия огорчилась, посчитав, что после того, как Январи передал ей свой дар, его потомки стали посмешищем, потеряв силу и доверие людей. Узнав, где живёт лекарь, Тия купила лепёшку и отдала Альфу, везде следовавшему за ней. Миновав центр города, и оказавшись на узких улочках с маленькими домиками, которые крепились один к другому, она больше не видела богато разодетых мужчин и женщин. По брусчатке бегали в оборванных курточках и штанишках дети, громко разговаривали носильщики, неся на своих спинах вьюки и мешки с товаром.

Добравшись до дома Январи, Тилия увидела, как из него вышла женщина. Она громко кричала, что он вовсе не лекарь, а лживый пьяница. Коснувшись ладонью локтя женщины, Тимилия избавила её от зубной боли, что мучила несчастную несколько дней и та, замолчав, побежала домой.

Открыв дверь, дочь Хардока прошла в узкий коридор, в

котором лежала старая обувь от самых дверей до круто поднимающейся узкой лестницы на второй этаж. Альф, принюхиваясь и чихая, сел в коридоре, а Тилия, заметив справа три двери, подойдя к одной, постучала.

– Входдите, – послышался хриплый голос из комнаты.

Тимилия, заглянув, увидела качающегося и что-то бормочущего пьяного мужчину, сидящего на полу. На его осунувшемся лице были видны три алые царапины, которые появились оттого, что женщина, покинувшая его дом, не получила излечения. Потомок Января был настолько пьян, что не смог даже встать на ноги и, падая, чуть не придавил сидящего рядом четырёхлетнего сына. Восемилетняя девочка, намочив платок, хотела вытереть кровь с лица своего отца, но мужчина, увидев посетительницу, накричал на неё. Заплакав и взяв брата за руку, она увела его из комнаты и села на нижней ступеньке лестницы.

– Прходите, госпжа. Праститти, что не встаю. Ммолюсь за больннных, – еле выговаривая слова, произнёс Января.

– Вы лекарь? – спросила Тилия.

– Да! Великий и мгучий! – бахвалился Амстос.

– Как ваш предок Эфтиан Января?

– Я лучшше.

Тимилия, глядя на мужчину, понимала, что он давно пьёт и скоро в его доме не останется ни одежды, ни мебели. Если Амстоса не остановить, он и детей продаст, что бы ему налили вина. Приложив одну ладонь к его лбу, а второй за-

жав затылок, девушка, не знавшая ни заклинаний, ни магических ритуалов, представила, что потомок мага больше не пьёт и заботится о своих детях. Дочь Хардока обратила внимание на то, что глядя кому-то в глаза, и требуя чего-то, получает желаемое, представив, что требование выполняется. Так она сделала в гостинице, и хозяин позволил оставить в комнате Альфа, так Тимилия поступила с Отми и Падосом. Сейчас она хотела, что бы Амстос перестал пить, нашёл работу и, приведя добрую женщину, вернул в этот дом покой и счастье.

– Чтты делаешшь? – удивился кареглазый мужчина.

– То, что сделал бы Эфтиан Январи, увидев своего потомка таким.

– Кккаким?

– Позорящим его имя.

Внезапно протрезвев, Январи понял, что перед ним стоит маг и осознал, чего хочет незнакомка. Его удивило то, что девушка пришла к нему домой, да ещё и пса привела, который посмотрев на плачущих детей, лёг у ног Тии, принявшись к резким запахам, наполняющим жилище лекаря.

– Мой предок лечил людей, у меня дара нет, но ко мне всё равно приходят, потому что старики помнят о Эфтиане. Я предупреждаю о том, что излечение наступит не сразу, мне верят и платят, этим я и живу. Все знают, что я пью, и потому в работники не нанимают и из своих домов гонят, – рассказал Амстос.

Поразмыслив о том, как ему помочь, Тимилия сказала:

– Вечером пойдёшь со мной.

– Почему ты мне помогаешь? – спросил Амстос.

– Не тебе, а им, – проговорила девушка, указав на мальчика и девочку, со страхом ожидающих её ухода.

– Как мне тебя называть, госпожа? – задал вопрос Января.

– Тилия.

– Тилия. Тилия, – произнёс мужчина, пытаясь что-то вспомнить.

Потом быстро поднявшись на ноги, он вскричал:

– Ты, Тилия!

– Да.

– Мне о тебе дед часто в детстве рассказывал.

– И что же он говорил?

– Если ты встретишь девушку по имени Тилия, обличённую могуществом древних богов, беги от неё со всех ног.

– Почему? – удивилась Тимилия.

– Дед утверждал, что от неё придёт погибель на наш род, ведь она убила Эфтиана Января.

– Что ж, твой дед был отчасти прав, – подумав, произнесла девушка, испугав Амстоса.

– Да, исчезнет пьяница и обманщик Января, и появится мудрый и добрый человек, а насчёт убийства, знай, я в жизни ни одного зверька или птицы не обидела, не говоря уже о том, что бы руку поднять на человека, – помолчав, промолвила Тия.

Когда-то давно, она точно так же ответила магу короля, но Эфтиан ей не поверил и лишил жизни. Посмотрев в глаза Амстосу, Тилия спросила:

– Веришь?

– Верю, – ответил мужчина.

– Почему?

– Пёс, как вошёл в комнату, так тебе на ногу голову положил. Он доверяет тебе, значит, ты его не бьёшь.

Дети Амстоса, подойдя к двери, глядели на чёрного пса, которого гладила по голове девушка и на отца, переставшего кричать. Позвав их, Амстос обнял дочку и сына, пообещав больше не пить. Оставив на столе несколько золотых монет, что бы мужчина смог купить детям одежду и еду, Тимилия попросила Января прийти на торговую площадь и ушла.

Оставив малышей с соседкой и придя в назначенное место, Амстос увидел девушку, избавившую его от тяжкого недуга, рядом с лавкой торговли рыбой. Простившись с женщиной, Тия пошла по улице, а Января не подходя близко, медленно шагал за ней. Обернувшись, Тимилия ощутила страх и недоверие, исходящие от мужчины и попросила его подойти.

– Куда ты меня ведёшь? – спросил он.

– В дом одного богатого вельможи, – ответила Тилия.

– Зачем?

– Он даст тебе работу.

– Какую?

– Не важно какую, главное, что бы ты её выполнял, не во-
руя и не лукавя.

Амстос опустил глаза и девушка уточнила:

– Что-то ещё хочешь узнать?

– Ты убила Эфтиана? – задал мучающий его вопрос, по-
томок мага.

– Нет.

Январь долго смотрел в её васильковые глаза, не зная, ве-
рить ей или нет, и Тия спросила:

– Знаешь, где он похоронен?

– Деду его отец говорил, что Эфтиана убили и сожгли.

– Кто убил?

Мужчина пожал плечами, а Тилия продолжила его рас-
спрашивать:

– И он не пытался выяснить?

– Нет.

Вспомнив о том, как она ожила, девушка спросила:

– А ты ничего не знаешь о рубиновой диадеме рода Ти-
миролл?

– Нет, госпожа.

Дойдя до особняка Падоса, Тия постучала в дверь, кото-
рую слуга хотел закрыть, увидев девушку, говорившую вче-
ра с Кармоллом. Потребовав, что бы о её приходе сообщили
хозяину, Тилия не позволила закрыть дверь. Мельком взгля-
нув на худого кареглазого мужчину в рваной куртке, слуга

проговорил:

– Натерпелись мы из-за вас. С утра он стал лютее демона, а если я впушу вас, хозяин меня высечет.

– Не бойся, иди, он ждёт меня, – приказала дочь Хардока. Подчинившись, мужчина ушёл и тихо постучал в дверь кабинета. Быстро сказав, кто пришёл, он отскочил в сторону.

– Пусть войдёт, – раздался спокойный голос Падоса из-за двери.

Боли в руках за последние четыре месяца усилились, но их Кармол ещё терпел, а вот ноги так ломило, что он уже и ходить не мог. Падос на всё был готов, только бы избавиться от них. Оставив Января за дверью, что бы слуги их не подслушали, Тилия вошла и граф, желая быстрее ощутить облегчение, сразу приступил к торгу.

– У меня много золота и я дам столько монет, сколько сможешь унести.

Девушка отказалась и он предложил:

– Два сундука. Три.

– Нет, я уже назначила цену.

– Я не желаю жениться! – вскричал советник короля.

– Вы даже не знаете, о ком идёт речь.

– И не желаю слушать!

– Тогда мне придётся найти кого-нибудь поразговорчивее.

– Тебе всё равно кто на ней женится? – удивился Кармол.

– Да. У меня только несколько условий: жених должен быть стар, строг, жаден и богат. Таких в Мэтле много.

– Зачем тебе это?

– Одна капризная девушка отказалась стать женой молодого, доброго и любящего её человека только потому, что он оказался недостаточно богат. Я хочу преподать ей урок, показав, что она ценит совсем не то, что стоило бы ценить, – честно ответила Тия.

– Хм. Глупо.

– Отнюдь. Так каков ваш ответ?

– Она стара и некрасива? – спросил хозяин особняка.

– Наоборот. Её считают редкой красавицей и многие сватаются к ней, но девушка всем отказывает.

– Чванливая, гордая и глупая девчонка, – решил Падос.

– Жестокая и алчная, – добавила Тилия.

– И что мне с ней потом делать? Отпустить?

– Будьте ей мужем, пока боги не решат разлучить вас.

– И ты меня излечишь? – не поверил старик.

– Да, в тот день, когда стану свидетелем того, как в храме вы назовёте её женой. Для подданных Духчара я буду вашей троюродной племянницей и до свадьбы проживу в этом особняке. Есть ещё одно условие: в вашем доме будет служить один человек, которому вы будите платить. Амстос за вашей женой присмотрит, что бы с ней чего-нибудь не случилось.

– Чего не случилось? – не понял Кармол.

– Вдруг жена вам надоест, и вы захотите её убить, то этого я не допущу. Вы проживёте с женой не менее десяти лет и если мой слуга, с которым так же ничего не должно произой-

ти, сообщит мне о том, что вы нарушили договор, я верну вашу боль, удвоив её, – предупредила Тия.

– А потом?

– Если всё будет, как я задумала, она пожалеет о том, что отказала тому, кто готов был преклоняться перед ней.

– Я не об этом. Что будет со мной? – уточнил Падос.

– Если все будут живы, то вы можете отправить жену в поместье.

– А моя боль? – уточнил старик.

– Я продлю срок нашего договора ещё на десять лет.

Кармол долго размышлял, а потом согласился и спросил, на ком должен жениться.

– На дочери Фейкуса Песинга.

Удивившись, мужчина переспросил:

– На Эмиль?

– Да. Через два дня она будет на приёме в доме подруги.

Там вы сможете поговорить с главой семейства.

– Ты так торопишься? – усмехнулся Падос.

– Да, оставив слуг в столице, я на некоторое время уеду, но они обо всём мне будут сообщать. Назначьте свадьбу на конец месяца.

– Такая спешка покажется всем странной.

– Но, вас она не смущает. И кому нужна правда, о том, что вас подвигло к свадьбе?

Кривая усмешка появилась на лице старика, говоря о том, что Тимилия права.

– Завтра я приеду в ваш дом, и вы представите меня, как Тилию Кармол, благородным семьям Мэтла.

Падосу пришлось согласиться, но он был недоволен тем, что маг будет жить в его особняке и ему придётся оплачивать её расходы.

– Не волнуйтесь, я сама куплю себе платья и карету, – произнесла, уходя, Тимилия, поразив советника короля тем, что ей известны его мысли.

Выйдя к слугам, Кармол, приказав убрать в одной из комнат, сказал, что завтра к нему приедет племянница, и они должны служить ей.

Утром Тия выбрала лавку портного, за окнами которой, постоянно сменяя друг друга, появлялись молодые девушки, примеряя красивые наряды. Войдя вместе с Амстосом, она сказала, что хочет купить тридцать платьев. Хозяин, встретивший её у прилавка, удивился и спросил:

– Для кого мне их шить?

– Для Тимилии Кармол, племянницы Падоса Кармол а.

– Хорошо, но мне нужно сначала заняться примеркой.

– У госпожи такая же фигура и рост, как у меня. Позвольте мне выбрать из платьев, что вы уже пошили, я за них заплачусь, – сказала Тилия, показывая портному монеты.

– У меня нет лишних платьев, – произнёс мужчина, сожалея, что многие из девушек стараются оттянуть оплату, а эта предлагает золото сразу.

Посмотрев в его серые глаза, Тимилия поняла, о чём он

думает. Портной приготовил для знатных дам больше двадцати платьев, а ему до сих пор не заплатили. Приказывая показать ей наряды, дочь Хард ока прошла в другую комнату. Выбрав четырнадцать платьев, Тилия попросила сшить ещё столько же. Мужчина, не в силах возражать, проговорил:

– Вы забираете платья Эмиль Песинг.

Подозвав Амстоса, Тимилия сказала, что он придёт через несколько дней за новыми платьями. Портной согласился и когда слуга Фейкуса зашёл к нему что бы забрать платья своей госпожи, солгал, что он не пошил их, потребовав плату за предыдущие, которые Эмиль забрала, но забыла оплатить.

Зайдя в гостиницу и расплатившись с хозяином, Тия покинула город, что бы утром въехать в столицу, как племянница советника короля. Она наняла кучера, купила в соседнем городе карету и лошадей, сундуки для одежды и, сложив в них все наряды, отправила Января домой, попросив завтра утром вернуться в дом Кармола.

Надев сиреневое платье с длинными рукавами, Тимилия Песинг приехала в Мэтл, уверенная в том, что поступает согласно законам справедливости и чести. Браслет Января не приказывал ей покинуть столицу Духчара, и Тилия принимала такое молчание, как одобрение и подтверждение своей правоты. Поднявшись в комнату, которую для неё приготовили, девушка открыла два окна, выходящие в небольшой парк. Опершись лапами на подоконник, Альф оглядел цве-

тущие клумбы и деревья, и тут его внимание привлекли птицы и кошка, охотящаяся на них. Поняв, за кем он следит, Тия проговорила:

– Возведя гордыню на пьедестал, Эмиль сама обрекла себя на многолетние страдания, а тот, кто думает, что душа его умерла от её отказа, выдержит все испытания и вернётся её мечтой, но, увы, несбыточной. Хотя я не могу за них решать, и если любовь существует, Эмирейк простит Эмиль.

Послышались шаги, и в комнату вошли Падос, затем служанки, которые стали разбирать вещи из сундуков Тимилии. Оценивая красоту девушки и её платья, граф сказал, что приглашён на ужин к Рареку Пунсару и попросил Тилию быть готовой к пяти часам вечера. Потом граф ушёл, и Тия не видела его в течение дня, но вскоре она заметила Января среди слуг, занимающихся обрезкой деревьев в парке.

В ожидании возвращения Кармола, Тимилия решила пройтись по городу. Спускаясь по лестнице, услышав разговор слуг, обсуждающих приехавшую к хозяину племянницу, о которой граф никогда не вспоминал, Тилия прошла мимо них, и попросила кухарку отпустить с ней на рынок Ювика. Удивлённо разглядывая её, юноша произнёс:

– Это вы?

– Нет, не я. Перед вами племянница вашего хозяина.

– А как же вчера... вы...

Тия нахмурилась и юноша быстро сказал:

– Да, госпожа, я понял.

– Хорошо, проводи меня.

На рынке Тилия, указав Ювику на овощи, которые сама хотела вечером приготовить, попросила купить и передала юноше монеты. Поражаясь тому, что девушка так добра, сын кухарки поклонился и, набрав корзину овощей, пошёл к дому Падоса.

В это время мимо рынка проезжали четверо мужчин в дорогих камзолах. Окинув взглядом торговые ряды и увидев златовласую девушку, один из них остановил коня и, спрыгнув на землю, пошёл за ней. Узнав Фердина, Тилия, накинув на голову капюшон, опередила Ювика и быстро скрылась за одной из лавок. Сыну кухарки даже показалось, что она от кого-то убегает, а когда он услышал громкий голос, то обернувшись, увидел богатого вельможу.

– Эй, постой! – воскликнул сын Фейкуса.

– Вы меня, господин? – спросил слуга Кармола.

– Да. Здесь стояла девушка.

– Их тут много, господин, это же рынок и...

Фердин помрачнел и, оборвав его, сказал:

– Я говорю не обо всех. Она отдавала тебе указания.

Ювик пожал плечами и Фердин, оглядываясь, добавил:

– Красивая, голубоглазая девушка.

Поняв, что от него бежала племянница Падоса, сын кухарки произнёс:

– Простите, но я такую не видел.

– Как не видел?! Она же твоя госпожа!

– Моя госпожа полная черноволосая дама и ей шестьдесят лет, – возразил юноша, не желая выдавать Тилию.

– Кого ты ищешь? – спросили друзья Фердина, подходя к нему.

– Я не мог ошибиться. Я её видел, – оглядываясь, ответил сын Фейкуса.

– Кого?

– Ту девушку.

– О которой нам говорила Фитинья? – улыбнулся один из мужчин.

– Она стройна и красива, а взгляд такой... вы не представляете...

– Да, мы не можем представить, что ты видел кого-то красивее Эмиль. Ты утонул в своих мечтах и перенёс их в реальный мир, – проговорил второй из его друзей, качая головой.

Фердин помрачнел и вернулся к своему коню. Вскочив в седло, он снова окинул взглядом площадь и увидел, что парень, стоявший около девушки, теперь идёт следом за пожилой брюнеткой. Стегнув коня плетью, Песинг покинул площадь, а сын кухарки, убедившись в том, что мужчины уехали, пошёл к дому Кармола. Догнав его, Тия поблагодарила юношу за то, что он ничего о ней не сказал.

Этим вечером, надевая нежно-голубое платье с прозрачными рукавами, прошитое золотистыми нитями, Тимилия немного ушила его в талии. Затем, выбрав одно из трёх укра-

шений, что взяла в склепе Песинг, девушка надела его. Цепочка с хрустальным кулоном, вызвала печальные воспоминания, но Тия, отбросив их, спустилась вниз, ведь Падос уже ожидал её. Не подав руки, Кармол вышел из дома и, пройдя до кареты, сел в неё, считая, что он ничего не должен магу, кроме оговорённого. Тимилия спокойно отнеслась к такому отношению графа, зная, что от жестокого и эгоистичного человека ожидать вежливости или заботы не следует, поэтому она взобралась в карету без его помощи.

Проследовав почти через половину города и не задерживаясь у массивных металлических ворот, кучер проехал на широкий двор, усыпанный мелкими разноцветными камешками. Заставив лошадей пробежать вокруг фонтана и, остановив карету около белой мраморной лестницы, кучер отворил дверцу и объявил о прибытии советника короля. На этот раз, подав руку племяннице, Кармол вошёл в широко распахнутые дубовые двери особняка.

Полный рыжий мужчина ниже среднего роста в коричневом бархатном костюме, с круглым золотым медальоном на груди, радостно приветствовал входящих в его дом гостей. Он пожимал руку каждому мужчине и, кланяясь женщинам, постоянно улыбался. Падос представил Рареку и его жене, худой высокой брюнетке, свою троюродную племянницу и спросил, не приехал ли Фейкус Песинг.

– Ждём с минуты на минуту, – разглядывая его спутницу, ответил хозяин дома.

Потом переведя взгляд на Кармола, Рарек добавил:

– А вы никогда не говорили, что у вас есть племянники.

Нахмурившись, советник короля ничего не ответил и прошёл в зал, а Тия, поклонившись, поспешила вслед за ним, ведь ей так хотелось оказаться среди улыбающихся людей, после холода и тишины, царящей в доме Падоса. Она с грустью посмотрела на танцующие пары, вспоминая, как её дом наполнялся гостями и музыкой. Не заметив, что Кармол остановился, Тимилия уткнулась головой ему в спину. Тия извинилась, а он, потирая болящий сустав на руке, указал на пустое кресло у стены. Предупредив, что она хочет присутствовать при его разговоре с Фейкусом, дочь Хардока села в кресло. Смерив девушку тяжёлым надменным взглядом, Падос ушёл, а Тимилия, разглядывая гостей, обратила внимание на женщину, которая опираясь на изогнутую деревянную палку, прошла мимо пожилых дам, не удостоившись их приветствия. Пройдя к колоннам и свернув за ними направо, она, едва преодолевая боль, дошла до двери в конце коридора и, войдя, притворила её за собой.

Тии было неприятно слушать пустые разговоры об украшениях и нарядах и она, поднявшись, направилась к колоннам и, повернув за ними, подошла к окну. Посмотрев на цветущий сад, Тимилия развернулась и увидела сквозь приоткрытую дверь часть комнаты и недавно прошедшую по коридору седую женщину.

Дойдя до стола, мать Рарека Пунсара облокотилась на

него и приставила к краю свою палку, которая, заскользив, упала. Обессилено опустившись на кушетку и, обречённо глядя на деревянного помощника, седовласая хозяйка комнаты попыталась до него дотянуться, но достать не смогла и по её щекам покатались слёзы.

Постучав, Тимилия вошла и, поздоровавшись, подняла палку и протянула женщине. Вытерев слёзы и поблагодарив её, Надэльиль спросила:

– Как тебя зовут?

– Тилия Кармол, я племянница Падоса Кармола.

– Племянница? Не похоже.

– Что не похоже, госпожа?

– Ты совсем на Падоса не похожа. Грубый, злобный, заносчивый, жадный старик, – сказала Надэльиль.

Тилии пришлось опустить лучистый взгляд к полу, и мать Рарека Пунсара поинтересовалась, разглядывая красивую собеседницу:

– Ну, да, ты же не дочь ему. Вижу тебе скучно. Почему не танцуешь?

– Не умею... я жила далеко от столицы и большую часть времени в саду проводила, – ответила Тия.

– И зачем же ты приехала?

– Навестить дядю.

– Думаю, Кармол не очень тебе рад, – произнесла Надэльиль, не нуждаясь в подтверждении своих мыслей.

Тимилия промолчала, а женщина тяжело передвинув но-

гу, вздохнула.

– Давно она вас не слушается? – спросила Тилия.

– Больше семи лет. На охоте упала с коня и с тех пор хро-
маю.

– А что говорят лекари?

– Шарлатаны они, а не лекари, – без злобы и обиды отве-
тила женщина.

– Но, есть и другие.

– Конечно, есть, но не про нашу честь.

– Простите, я вас не поняла.

– Да и не к чему тебе это.

– А ваша семья, дети?

– Сын слишком занят, а внуки юны.

– А дочь?

– Дочери у меня нет, только сноха.

– И она о вас особо не заботится, – проговорила Тия, опу-
саясь на колени рядом с Надэльиль.

Женщину удивили расспросы девушки, и она хотела по-
просить её уйти. В комнату могут заглянуть слуги и расска-
зать снохе о том, что она помешала развлекаться гостям, а
лишних упреков от сына ей выслушивать не хочется.

– Мои предки были лекарями, они использовали силу, на-
полнявшую их руки. Если позволите, я попробую вам по-
мочь, – предложила дочь Хардока.

Представив, что женщина не просто ходит, но и бегаёт
по парку, скачет на лошади и танцует, Тилия, приложила к

колену обе ладони. Надэльиль не верилось, что эта девочка может что-нибудь сделать, ведь лекари Мэтла от неё отказались. Внезапно она почувствовала, как острые иглопочки, кольнув, заморозили колено, потом согрев, пробежали по ноге к пятке а, вернувшись и достигнув её плеч, снова спустились к больному колену. Поразившись, что боль исчезла, Надэльиль побоялась шевельнуться, а девушка, улыбнувшись, поднялась и сказала:

– Попробуйте встать.

– Что?

– Дайте руку, я помогу.

– Не могу, – отказалась мать Рарека.

– Вы чувствуете боль?

– Нет, но...

– Тогда вставайте, – потребовала Тия, потянув её за руку.

Как во сне, Надэльиль встала и ахнула, не ощутив обычной боли.

– Пройдите по комнате. Не бойтесь, – убеждала девушка.

Шагнув, мать хозяина особняка остановилась, затем снова подняла ногу и перенесла на неё вес. Резко развернувшись, Надэльиль ожидала возвращения болезненных ощущений, но ничего за этим не последовало.

– Я хожу, – не верила графиня.

У Тимилии вдруг закружилась голова и она облокотилась о спинку кресла, не понимая того, что исцеление женщины отняло у неё силы. Дверь внезапно открылась, и у порога

комнаты появился Кармол. Увидев Надэльиль Пунсар на ногах, спокойно передвигающуюся по комнате и вспомнив о том, что ему говорили о ней, Падос нахмурился. Он знал, что Надэльиль почти не встаёт с постели, но теперь, взглянув на седовласую графиню, осознал, что Тимилия излечила мать хозяина дома, и это его разозлило.

– Её за кого выдашь? – спросил он, переведя взгляд на девушку.

Надэльиль не понравился его тон, и она хотела выпроводить Кармола, но Тилия быстро сказала:

– Простите нас, госпожа. Не говорите сегодня никому о том, что вам стало легче.

Потом поклонившись, Тия вывела из комнаты Падоса, при этом советник короля произнёс:

– Ты излечила старуху.

– И вас злит то, что не только вы можете избавиться от боли? А может то, что я могу помочь тем, кому вы не нравитесь?

– Песинг приехал, – не ответив на её вопрос, буркнул Падос.

Надэльиль после их ухода долго стояла на ногах, боясь сдвинуться с места, но потом решилась, и внутренне сжавшись от страха, шагнула к столу. Боль и тяжесть в ногах исчезли, доказывая, что худенькая синеглазая девочка её излечила.

– Да будет твоя жизнь светла и радостна, как мой исцеле-

ние, – прошептала мать Рарека, вытирая слёзы, бегущие по щекам.

Подойдя к Фейкусу и поприветствовав его, Кармол сказал, что им нужно срочно обговорить важное дело. Хозяин особняка, до этого беседовавший с отцом Эмиль, предложил пройти в его кабинет. Туда все и отправились после того, как советник Зьюфа представил Фейкусу свою племянницу.

Закрыв дверь, Падос сразу приступил к тому, зачем приехал.

– Ты знаешь меня более тридцати пяти лет. Ты потомок достойного рода и занимаешь высокий пост в палате старейшин, как и я. Мы можем объединить два наших рода, сделав их более сильными и могущественными, – сказал он.

Фейкус посмотрел на красивую девушку, присевшую в кресло, посчитав, что Кармол хочет выдать её замуж за Фердина. Это предложение стало для Фейкуса неожиданным, однако граф осознавал следующие за ним выгоды. Падос один из самых богатых жителей Духчара и приближённых к королю подданных. Дети у Кармола выросли и получили от него наследство, однако это были лишь крохи, а основное богатство не имело наследников. Из этого следовало, что всё достанется голубоглазой красавице, а значит, и её мужу.

– Что скажешь? – спросил советник короля.

– Предложение заманчивое, да и невеста мне нравится, – ответил Фейкус, глядя на Тилию.

– Ты не о том думаешь, – прервал Падос размечтавшегося

графа.

– Не о том? Красота невесты – это её достояние, – возразил отец Эмиль.

Тимилия улыбнулась, а Кармол, негодуя на собеседника, воскликнул:

– Я говорил не о ней!

– А о ком?

– О себе и твоей дочери.

Поразившись, Фейкус захлопал глазами и промолвил:

– Как?

– Что тебе непонятно?! Или ты против?! – разозлился слуга Зьюфа.

– Против чего?

Лицо Падоса побагровело и Тия, остановив гневные восклицания, готовые сорваться с языка советника, проговорила:

– Мой дядя просит у вас руки Эмиль.

– Ты хочешь жениться на моей дочери? – спросил Песинг.

– Да. Так ты против?

– Нет, но я не думал, что ты в таком возрасте захочешь жениться.

– В каком возрасте?! – вскричал Кармол.

– Дядя здоров и полон сил, – вновь остановила Падоса Тимилия.

– Что скажешь? – спросил в очередной раз советник короля.

– Хм, а почему бы и нет? Она молода и красива, а ты богат. Хорошая пара получится, – вслух размышлял отец первой красавицы Мэтла.

– Значит, договорились? – протянул ему руку Кармол.

Посмотрев на него, потом на Тилию, Фейкус не спешил соглашаться.

– А какое наследство от тебя получит племянница? – подумав, спросил он.

– Никакого. У неё от отца осталось поместье и скоро она выйдет замуж, – ответил Падос.

– У тебя есть жених? Кто же он? – заинтересовался Песинг, заметив на руке Тилии перстень.

– Какая разница?! – рыкнул Кармол.

– Разница велика и может быть опасной для моих внуков. Если вдруг её муж потребует часть твоего имущества, то мне необходимо знать, насколько он богат и знатен, – объяснил отец Эмиль.

– Это герцог Тирдос, – ответил Падос за смутившуюся Тилию.

– А свадьба уже назначена?

– Мы и это должны обсудить?! – воскликнул, Кармол, теряя терпение.

– Нет.

– Завтра устроим помолвку, а свадьбу через неделю, – выставил условие Падос.

– Куда ты так спешишь? – удивился Фейкус, глядя на со-

ветника короля.

– Хочу быстрее обнять самую красивую девушку Духчара. Песинг хихикнул, а щёки Тии снова залились румянцем.

– Мне нужно подготовить особняк, пригласить гостей, – начал перечислять необходимые приготовления отец невесты.

Оборвав его, Падос произнёс:

– Или я женюсь на Эмиль через неделю, или мы станем врагами.

Видя настрой Кармола, Фейкус не на шутку испугался, ведь он знал, что Падос хитёр и коварен, и становиться его врагом опасно.

– Дай мне хотя бы две недели. Нехорошо для девушки, так быстро замуж выходить. Слухи могут по Мэтлу пойти.

– На это я внимания обращать не стану, о её чести сам позабочусь, – резко высказался Кармол.

– У меня многие руки Эмиль просили и предлагали в обмен горы золота, – вдруг промолвил Песинг, посмотрев на хозяина особняка.

– Чего ты хочешь? – уточнил советник Зьюфа.

– Помоги мне отобрать у старика Сонтерфа поместье в Ириаксне. Король тебе не откажет.

– И это всё?

– Да.

– Хорошо, после свадьбы я поговорю с правителем, – обещал Падос, а Тия побледнела, но в сделку вмешиваться не

стала.

– Договорились. Завтра после полудня мы ждём тебя, – довольный собой, проговорил Фейкус.

Песинг уже второй год пытался отобрать зелёные луга у Сонтерфа, но у старика была поддержка племянника короля. Если Кармол ему поможет, то Фейкус выдворит Сонтерфа и расширит свои владения. Однако радость от обещания Падоса не затмила разум отца невесты, и Песинг, пройдя к столу, захотел обсудить расходы на предстоящую свадьбу. По закону их разделяли поровну, и Фейкус решил всё сразу обговорить с Падосом. Тимилия, не желая слушать, как два скупых старика перепираются из-за того, кто из них и за что заплатит, сказала, что подождёт Кармола в зале, среди других гостей и ушла.

Пройдя к креслу, в котором недавно сидела, Тимилия увидела в нём Эмиль, окружённую подругами. Что бы ни попадаться им на глаза, она развернулась и столкнулась с Фердином, направляющимся к сестре. Глаза у графа широко распахнулись, когда он увидел девушку, которую искал несколько дней.

– Это вы?! – воскликнул он.

Дочь Хардока удивлённо посмотрела на потомка Радексыны.

– Сплю я или вижу вас? – проговорил Фердин, отступая. Тилия хотела его обойти, но сын Фейкуса не пропустил её.

– Как только я увидел вас, сердце моё забилося от желания жить и служить вам. Вы меня очаровали, пролетев, как нежная бушующая весна над серым заледенелым лесом, – произнёс Песинг.

Проходившие мимо две девушки удивились признанию, слетевшему с уст молчуна Фердина, ведь он был немногословным и серьёзным, и казалось, не испытывал ни к одной красавице нежных чувств. Тия шагнула к колоннам, а граф взмолился:

– Простите, но моя душа рвётся к вам и не находит покоя, крича о том, что вы стали для меня раем, к которому стремится каждый из нас. Я ведь начал думать, что сошёл с ума и мне везде мерещится красивая девушка, которую никто кроме меня не видит. Не уходите и не сердитесь, прошу.

Проследовавшие к креслам дамы тоже стали оборачиваться и смотреть на Фердина. Тилия, удивлённая признаниями графа, лишь вчера увидевшего её на рынке Мэтла, не поверила ему.

– Вижу, что сердитесь, и вы правы. Я несдержан и слишком много говорю, но я так рад вас видеть. Друзья смеются надо мной, считая, что я грежу наяву, они думают, что Фердин влюбился в свою мечту, и это правда. Вы моя мечта, мой идеал, – сказал сын Фейкуса.

– Вы можете помолчать, – попросила синеглазая красавица.

– Нет, я должен вам всё сказать, открыть чувства, которые

переполняют мою душу, так как боюсь, что вы снова исчезните.

– Я не исчезну, – произнесла Тимилия, поправив золотой локон, выпавший из причёски, ведь она чувствовала искренность собеседника.

Перед ней внезапно появились умоляющие глаза Эмирейка и надменные Эмиль. Не желая причинять графу такой же боли, Тилия решила предложить ему дружбу.

– Правда? Обещаете? – обрадовался Песинг, но тут же помрачнел.

Заметив на руке девушки перстень, Фердин огорчился, предположив, что незнакомка уже помолвлена и хотел спросить, но тут его увидели друзья и окликнули. Осознавая, что продолжая говорить о своих чувствах, потомок Радексны, вспомнив о Эмирейке, позовёт его, Тимилия растерялась. Она не желала, что бы о её приезде стало известно Мирантону.

– Наш дорогой Фердин, мы рады, что ты хотя бы сегодня оставил поиски и решил присоединиться к нам, – сказал, подходя к нему, один из кузенов Фитиньи.

– Ещё большую радость у нас вызвало то, что ты забыл о несуществующей красавице, которая покорила тебя, промчавшись мимо ваших карет, когда вы по дороге в Мэтл ехали, – усмехнулся второй.

– Представь нам свою спутницу, – попросил третий мужчина, стоящий за спинами друзей.

Теперь Тилия осознала, где Фердин увидел её впервые и отчего говорил о пролетевшей весне над заледеневшим лесом. Посмотрев на него, Тимилия покачала головой, и Песинг понял просьбу девушки, однако он не знал, как представить незнакомку друзьям, ведь ему не было известно её имя.

– Простите, Фердин обещал танцевать со мной, – сказала Тилия и, взяв его за руку, потянула к танцующим парам.

Войдя в круг, она не остановилась, а прошла к противоположной стене.

– Почему мы уходим? – спросил брат Эмиль.

Тия промолчала.

– Вы ещё сердитесь на меня?

– Нет, – ответила Тимилия и почти выбежала из зала.

– Вас что-то тревожит? Позвольте мне помочь вам, – предложил Фердин, следуя за ней по коридору.

– Вы, правда, этого хотите? – спросила Тия, поворачиваясь к нему.

– Всем сердцем.

– Сейчас мне не нужен кавалер, а от друга я бы не отказалась.

Вздыхнув, Песинг, видя сомневающийся взгляд незнакомки, сказал:

– Я готов им стать. Простите, но я не представился. Фердин Песинг.

У Тилии едва не сорвалось с губ настоящее имя, но она

сдержалась, а сын Фейкуса подумал, что девушка не верит ему, оттого и молчит.

– Тимилия Кармол.

– Вы дочь Падоса? – удивился Фердин.

– Племянница.

– И что вас опечалило?

– Жестокость, наполняющая сердца людей.

– Увы, несовершенств в нас больше, чем достоинств.

Тилия, огорчённая соглашением стариков, которого сама желала, тяжело вздохнула.

– Через месяц мы возвратимся в родовое поместье. Позвольте пригласить вас, вместе с дядей, конечно, – сказал сын Фейкуса.

– Благодарю, но вскоре я покину столицу, – отказалась Тия.

Вспомнив о том, что Кармол выдумал о герцоге Тирдосе, она добавила:

– Я еду к жениху.

– Скажите мне, кто он и я убью его! Я никому вас не отдам! – воскликнул, побледнев, Фердин.

– Вы с ума сошли. Я вам не принадлежу, и никогда не принадлежала!

– Простите, Тимилия, но одна мысль о том, что вы кого-то любите, лишила меня разума, – извинился Песинг.

– Я не просто его невеста. Мы избраны судьбой, и о лучшем муже я и не могла мечтать. Душа его добра и чиста, он

искренний и верный, и если вдруг погибнет, то и мне незачем жить.

– О, жестокая судьба! Подарила мне сладостное видение и тут же отняла, но верю в то, что она справедлива ко всем. Раз вы его так любите, мне ничего не остаётся, – вздохнув, сказал сын Фейкуса.

– Что вы задумали? – испугалась дочь Хардока.

– Вы искренни со мной, не кокетничаете, и не используете моих чувств, и я вам за это благодарен. Отныне я друг вам и тому, кем вы так дорожите, и если кому-нибудь из вас понадобится помощь, вы можете рассчитывать на меня, – с грустной улыбкой ответил Фердин и поклонился.

Слёзы благодарности блеснули в глазах девушки, и она протянула графу руку, сказав:

– Знайте, что я никогда не очерню дружбы предательством. Благодарю вас.

Фердин проводил Тилию в зал, где гости Пунсара продолжали танцевать и веселиться. Увидев у стены Падоса, обсуждавшего с Фейкусом все затраты по предстоящей свадьбе, и разыскивающего взглядом племянницу, ведь он не мог уехать без неё, Тия простилась с Фердином.

Утром Тимилия испекла пирог, который для неё в детстве делала няня и, угостив и кухарку и её сына, поднимаясь по лестнице, увидела через окно мужчину, стоящего на улице напротив дома Падоса. Не обратив внимания на то, что он не

сводит взгляда с особняка Кармола, Тия зашла в свою комнату, набросила на плечи плащ Эфтиана и спустилась в парк. Гуляя по дорожкам вокруг цветущих деревьев, она подумала о том, как бы отыскать Эмирейка и пригласить на свадьбу Эмиль, что бы он узнал, каким стал выбор девушки, отвергшей его. Однако вскоре её мысли изменились, ведь поставив себя на его место, Тимилия осознала, что любящему сердцу будет тяжело видеть, как Фейкус выдаёт дочь замуж за человека, годящегося ей в отцы.

Тия стала сомневаться стоит ли ей настаивать на этом союзе или лучше его расторгнуть. Внезапно медный браслет сдавил её руку так сильно, что в висках застучала кровь. Что это?! Почему?! И как бы отвечая на её вопросы, прозвучал голос Января:

– Ты будешь следовать за избравшим тебя мужчиной, и только исполнив его мечту, сможешь освободиться от проклятия.

Упав на колени от боли, пронзившей её кисть, дочь Хардока поняла, что проклятие не позволит отступить. Видимо, Эмирейк, убитый отказом Эмиль, обозлился и пожелал, что бы её слова воплотились в жизнь. Именно поэтому Тилии на ум пришло желание наказать девушку, выдав замуж за жестокого старика. Теперь придётся наблюдать за тем, как будет рушиться счастливая жизнь первой красавицы королевства, потомка Радексны.

Не умоляя своей вины в том, что она захотела преподать

избалованной и капризной девушке урок, Тимилия устыдилась того, что вынудила Кармола просить её руки взамен десятилетнего избавления от болезни. В душе она не желала такой судьбы Эмиль и потому решила всё изменить. Поднявшись и повернувшись к особняку, Тилия хотела, исцелив графа, убедить не жениться на дочери Фейкуса.

Резкий удар в спину и смерч, подхватив Тимилию, оторвал её от земли и, подбросив в воздух, погрузил в мутную воду, в которой она начала тонуть. Взмахивая руками, девушка пыталась выплыть наверх, но её как будто что-то удерживало на месте. Плащ Ливари, расстелившись вокруг Тилии ковром, не позволял утонуть, и она мысленно поблагодарила за такой дар Эфтиана.

Внезапно внизу посветлело, и к Тимилии приблизился жёлтый шар, внутри которого она увидела сестру, смеющуюся над Милиарком и принимающую его подарки. Потом Радексна прогнала влюблённого и тут лицо Тимиролла, развернулось к младшей дочери Хардока и, рванувшись к ней, потянуло ко дну. Удивившись тому, что находится в поместье, Тимилия не могла понять, как она оказалась в озере. Почему Милиарк сердится на неё и хочет утопить? Отвечая на её вопросы, он прокричал:

– Возмездие!

Теперь Тилия осознала, что гнев Тимиролла вызван тем, что за его смерть Радексна не понесла никакого наказания, но какое это имеет отношение к Эмиль. Стоило девушке об

этом подумать, как Милиарк, указав на медный браслет, сказал:

– На моей крови.

Чувствуя, что задыхается, Тимилия в ужасе посмотрела на дар Ливари, а Тимиролл отпустил её и исчез. Плащ потянул Тилию наверх, и она смогла вынырнуть и глотнуть воздуха. В этот же миг Тия упала, и кашель сотряс её тело, выталкивая из лёгких воду. Где она? Что произошло? Как Тилия могла переместиться в поместье и вернуться назад? Что за сила сокрыта в старом браслете? Почему душа Милиарка до сих пор находится в озере и, отчего он жаждет возмездия для потомков Радексны? Неужели мы с ним связаны, и он требует свершения справедливой кары в отношении Эмиль?

Отдышавшись, Тимилия попыталась снять браслет, но как ни старалась, не смогла его сдвинуть даже на сантиметр. Дар мага, казалось, врос ей в руку и приказывал исполнить волю погибшего влюблённого, лишая Тию права что-либо решать.

– Госпожа. Госпожа, где вы? – вопрошал Ювик, разыскивая её в парке.

Поднявшись, Тимилия поправила складки на платье и, подойдя к юноше, узнала, что Падос приказал ему сообщить племяннице о том, что пора ехать к Фейкусу. Идя по лестнице, и взглянув в окно, она снова увидела мужчину в синем плаще, надвинувшем шляпу на лоб. Он стоял у соседнего особняка и наблюдал за воротами дома Кармола. На этот раз девушка подумала, что у Падоса много врагов, и это они

следят за ним. Не собираясь разбираться в причинах неприязни жителей столицы к советнику короля, переодевшись и сев в карету, Тилия посмотрела на то место, где она увидела мужчину. К её удивлению, он и сейчас там стоял, но теперь смотрел не карету Кармола.

Подъехав к дому Фейкуса Песинга, Тимилия взволнованно всматривалась в его окна, в отличие от своего спутника. На лице Падоса отражались лишь безразличие и превосходство, но, не смотря на это, графа радушно встретил глава семейства. Фейкус довольно усмехался, а Вейтели молчала, согласно воле мужа, и ни во что не вмешивалась. Ни Эмиль, ни её подруг в зале не было, и Тия посчитала, что девушка рыдает в своей комнате от горя и снова муки совести стали терзать её. Однако через четверть часа Эмиль спустилась в зал, поразив всех нежной улыбкой и сияющими глазами.

Тимилия не понимала, отчего она так радуется и после того, как хозяин особняка вышел в центр зала и объявил, что Падос Кармол просил руки его дочери и сегодня состоится помолвка, удивилась ещё больше. Сероглазая красавица никак не показала, что недовольна выбором отца и когда Фейкус подвёл Эмиль к жениху, сама подала руку, что бы Падос надел ей на палец золотой перстень. Со всех сторон посыпались поздравления и пожелания, а взгляд Тилии не сходил с лица счастливой невесты. Как её мог порадовать старый жених? Неужели богатство и положение Падоса на самом деле

для неё важнее всего остального?

Фердин, молча, прошёл мимо жениха и невесты. Остановившись рядом с друзьями, граф мрачным взглядом окидывал тех, кто стремился поздравить обручённых. Зазвучала музыка, и жених с невестой закружились по залу, а брат Эмиль подошёл к Тилии. Заметив печаль в его взгляде и сожаление, она спросила:

– Что огорчило вас?

– Этот спектакль. Вы и сами его участница, – ответил Фердин.

– Я?

– Вы просили моего отца дать согласие на этот брак.

Тилия смутилась, а сын Фейкуса сказал:

– Я не обвиняю вас, вы желаете дяде счастья и выбрали лучшую из невест. Мне больно оттого, что отец продал свою дочь за кусок земли.

Тимилии было стыдно, но она молчала, потому что браслет Ливари жёг руку, запрещая говорить и действовать по велению души. Граф, взглянув на улыбающуюся сестру, надевшую фиолетовое платье, и кружащуюся среди разноцветных шлейфов подруг, вздохнул и произнёс:

– Молю судьбу лишь об одном: не стать таким, как она.

Дочь Хардока посмотрела в его глаза и Фердин уточнил:

– Почему вы думаете, она вышла к гостям и улыбается?

Оттого, что отец вынудил Эмиль принять этого человека, грозя отречься от дочери и лишиться наследства?

Тилия кивнула головой.

– Ошибаетесь. Она дала согласие на этот союз.

Поразившись, Тия взглянула на Падоса и его невесту.

– Вчера вечером, когда отец объявил о своём решении выдать Эмиль за Кармол а, она помрачнела, и я подумал, резко выскажется против, но сестра, поклонившись, ушла в свою комнату и заперлась. Я постарался отговорить отца, приводя всевозможные доводы, но он был непреклонен, тем более, что Падос обещал помочь получить желаемые земли. Я постучал в дверь сестры и служанка, открыв, сказала, что госпожа ушла в сад, – рассказал Песинг.

Вздыхнув, Фердин отвернулся от танцующих пар и продолжил:

– Я вышел за сестрой, желая облегчить её страдания, но то, что увидел и услышал, привело меня в ужас... Эмиль была с Кармолем. Рассердившись, я подошёл, что бы прогнать графа, но каково же было моё удивление, когда я услышал ответ сестры. Эмиль сказала, что предложение Падоса неожиданно, но полная свобода, её устраивает, а потом сестра добавила, что она согласна родить ребёнка за четыре сундука золота и поместье в южной части Духчара. Эмиль продала своё дитя и от этого ужас охватил моё сердце.

Тилия, считая себя виновницей несчастья сестры Фердина, сокрушалась, как оказалось зря, ведь Эмиль заключила с Кармолем договор, от которого оба будут в выигрыше и отказ Эмирейку вовсе не станет для неё наказанием. Внезап-

но остыв, браслет, перестал причинять боль, заставив усомниться в своих предположениях. Нет, всё будет иначе и ни их договор, ни обман, не смягчат возмездия. Убедившись в том, что судьба справедлива ко всем и не карает невиновных, Тимилия поняла, что ей не стоит вмешиваться и спасать Эмиль.

– Бедный мой друг, – печально произнёс Фердин.

– О ком вы говорите? – спросила Тия.

– О Эмирейке Мирантоне, который был жестоко обижен моей сестрой. Он признался Эмиль в любви, ведь её дивный образ всем кажется ангельским.

– И где же он? – с волнением промолвила его собеседница, разглядывая гостей.

– Я видел Эмирейка две недели назад, в нашем поместье, но он исчез и не появлялся в столице. Эмиль и отец отказали ему, ведь мой друг не так богат и знатен, а им в качестве жениха подходит только наследник герцога. К тому же четвёртый сын графа Бергтака Мирантона, не может ничего предложить жадным сердцам, – сказал сын Фейкуса.

– Возможно, судьба сама позаботилась о том, что бы ни допустить союза вашего друга и Эмиль, – предположила Тилия.

– И я этому даже рад. Эмирейк встретит ещё добрую и чистую девушку и будет с ней счастлив, – согласился Фердин.

Музыканты внезапно замолчали и Тия, подняв взгляд, увидела, как в зал входят несколько мужчин. Впереди шёл

молодой человек лет двадцати пяти, среднего роста и телосложения. Его вьющиеся тёмно-русые волосы и светлосерые глаза выделялись над тонким носом и узким подбородком. Коротко остриженная борода делала этого мужчину немного старше своих лет, а часто прищуриваемые глаза, заставляли гостей Фейкуса нервничать и кланяться, ведь они боялись вызвать недовольство или гнев вошедшего. На бархатном сером камзоле незнакомца Тимилия увидела серебряный медальон с зелёной и белой россыпью камней, а на поясе золотой короткий меч.

– Кто это? – спросила Тилия.

– Герцог Тьюрэса и сын нашего короля, – ответил её собеседник.

Дочь Хардока всмотрелась в лицо незнакомца, а Фердин добавил:

– Это принц Велкан. Что же вы не спешите за всеми?

– Для чего? – уточнила Тия, видя, как придворные окружают герцога.

– Что бы быть представленной ему. Вы и красивы и умны, принц это сразу отметит.

– Меня не интересует знакомство с сыном правителя, – спокойно сказала Тилия, но Песинг покачал головой, не веря её словам.

– Велкан будущий король, а став одной из приближённых к нему особ, вы многого добьётесь, – тихо проговорил он.

– Позора моей семьи? Насмешек общества и звания лю-

бовницы?! – строго взглянула на собеседника Тимилия.

Фердин, опечаленный поступками и мечтами сестры, посчитал, что и все девушки желают приобрести влияние при дворе, но осознал свою ошибку и извинился.

Тилия понимала чувства графа, и потому простив высказывание Фердина, согласилась о нём забыть. Пока они разговаривали, принц Духчара дошёл до Фейкуса и от лица своего отца и от себя поздравил жениха и невесту, хотя и удивился, узнав о возрасте Кармола. Наследник короля высказал сожаление по этому поводу, заставив Падоса посереть от злости, а гостей усмехнуться.

– Что вы, ваше высочество, мы очень рады такому союзу. Эмиль молода, и родив внуков, порадует нас ещё больше, – растерянно, проговорил хозяин особняка.

После этого он пригласил принца на свадьбу, которая должна состояться через две недели, но Велкан отказался. Принц сказал, что всё готово к походу и через десять дней он покинет столицу, что бы изгнать с земель королевства Ийфанков.

– Позвольте пожелать победы и скорейшего возвращения, – поклонился ему Фейкус.

Велкан сел в кресло и, оглядев своих подданных, вспомнил о жене. Два с половиной года назад отец женил его на принцессе соседнего королевства – Жаните. Сын исполнил повеление отца, но он не испытывал нежных чувств к красивой стройной черноглазой брюнетке, предпочитая ей об-

щество друзей, а Жаните, наоборот, искренне полюбила мужа и страдала оттого, что редко видела его. Принцесса, выясняя, куда муж направляется, находила причину самой там появиться, вот и сегодня, узнав, что по поручению отца Велкан отправился к Фейкусу, Жаните уговорила тётку принца поехать и поздравить жениха и невесту. Зная, как страдает принцесса, Мениар согласилась.

Спустя четверть часа после того, как в особняк вошёл принц, двери снова отворились и пропустили в зал худощавую женщину средних лет. Длинные, поседевшие локоны её были собраны в высокой причёске, под которой ярко выделяются серые глаза, обрамлённые тёмными ресницами. Мениар, идя по залу, искренне улыбалась, когда отвечала на поклоны гостей Фейкуса, а за сестрой правителя, опустив взгляд и вздрагивая от волнения, при громких восклицаниях мужчин, раздающихся со всех сторон, проследовала стройная черноглазая брюнетка с алой едва заметной улыбкой. Только раз оглядела она зал и, отыскав своего мужа, вновь устремила взор вниз, стараясь успокоить забившееся от счастья сердце.

Велкан, радостно поприветствовал тётушку, посвятившую его воспитанию свою жизнь. Поцеловав Мениар и, посмотрев на Жаните, он вздохнул и, едва прикоснувшись губами к её руке, отвернулся. Глаза принцессы засияли, ведь она снова увидела мужа. Велкану нравилось, что жена скромна и молчалива, добра к подданным и верна ему, но её покор-

ность порой раздражала принца и заставляла искать развлечений. Велкан кроме дружбы и уважения ничем не мог ей ответить.

В юности он был влюблён, но с тех пор это чувство, ни разу не посещало его. Велкан полагал, что и в сердце жены нет настоящего сильного чувства к нему. Сын короля принимал нежное отношение к себе за исполнение долга, не думая, что он стал для Жаните единственным, без кого она не может жить. Наследник правителя не верил, что чувства вдруг могли возникнуть, ведь до свадьбы они не были знакомы, да и потом мало времени проводили вместе.

Присев в кресла, которые для них тут же установили, королевская семья, придерживаясь законов Духчара, должна была провести в доме Песинга не менее часа, что несказанно порадовало Жаните и огорчило Велкана, хотя ни один из них не проронил ни слова. Понимая, что от сына правителя ожидают внимания к жене, принц подал ей руку.

Музыканты вновь заиграли, и следом за королевской четой в зал прошли подданные, и он наполнился танцующими парами. Велкан не смотрел в глаза Жаните, что бы ни рассердиться, увидев нежность во взгляде жены. Глядя по сторонам на танцующих мужчин и женщин, принц внезапно поймал себя на мысли о том, что хочет покинуть этот дом. Подведя Жаните к креслу, Велкан сказал хозяину особняка, что его ожидают государственные дела. Услышав это, Мениар нахмурилась. Зная, что она может выказать своё недо-

вольство, принц опередил тётушку и спросил Фейкуса, где его сын.

– Он среди гостей, ваше высочество, – ответил отец Фердина.

– Я видел его, – сказал один из приближённых принца.

– Пойду и поговорю с ним, – решил сын короля, и быстро поцеловав руку Мениар, ушёл, не взглянув на жену.

Вздыхнув с облегчением, он последовал за придворным, который привёл его к Фердину. Граф поклонился Велкану, и принц посмотрел на спутницу Песинга, не собираясь задерживаться в особняке. Взгляд ярких синих глаз обжёг его огнём, удивив и развеселив, ведь никто из женщин, кроме Мениар не смел так смотреть на него.

– Как поживаешь, Фердин? – спросил Велкан.

– Молюсь о вашем здоровье, – ответил сын Фейкуса.

– А твоя спутница? – задав этот вопрос, принц хотел узнать имя красивой златовласой девушки, с осуждением смотрящей на него.

– А я не молюсь за вас, – тихо сказала Тимилия, вызвав бледность на лицах придворных, стоящих поблизости.

– Отчего же, позвольте узнать? – улыбнулся Велкан.

Взглянув ему в глаза, Тия подошла ближе и произнесла:

– Стоит ли просить Творца за человека, не ценящего даров небес?

Брови принца приподнялись от удивления.

– Стоит ли мне молиться за того, кто не желает ответить

добром, приняв бескрайний мир другого создания?

Лицо девушки светилось изнутри, и принц не мог и подумать о том, что бы остановить её или покарать.

– Стоит ли желать долголетия тому, кто убивает своим безразличием?

Задав эти вопросы, Тилия покачала головой и сама на них ответила:

– Нет, не стоит.

Придворные Велкана от ужаса оцепенели, а принц грустно улыбнувшись, признал:

– Вы правы и все молитвы мне достаются только за то, что я сын короля. Увы, никто здесь искренне не любит меня, кроме моей семьи, и признания и пожелания придворных я не считаю идущими от сердца. Благодарю за то, что сказали правду и позвольте быть с вами настолько же искренним. Вы очаровательны в негодовании и должны быть прекрасны в гневе. Надеюсь когда-нибудь испытать его на себе.

Поклонившись незнакомке, принц покинул особняк Фейкуса. Выйдя на лестницу, Велкан приказал одному из придворных вернуться и узнать имя девушки. Когда ему сообщили, что она племянница Кармола, принц крайне удивился, посчитав, как и Надэльиль, что их родства совсем не видно.

Фердин поражённо смотрел на Тимилию, пока она не спросила:

– Полагаете ему нельзя сказать правду, потому что он принц?

– Часто вы говорите то, о чём думаете? – не ответив, задал вопрос Песинг.

– Почти всегда.

– А мне вы лгали? – уточнил Фердин.

– В чём?

– Хоть в какой-то малости?

Тилия опустила глаза, считая недосказанность такой же ложью, но она не могла рассказать о проклятии и своём возрождении спустя почти триста лет. Поэтому, дочь Хардока, вздохнув, произнесла:

– Я не сказала вам того, чего вы не сможете понять.

– Я не глуп, – промолвил брат Эмиль, вглядываясь в её лицо.

– Этого я не говорила.

– Тогда что же останавливает вас рассказать мне всё, как Велкану? Мне кажется, вас что-то гнетёт. Вам кто-то угрожает? Вас хотят выдать замуж без вашего согласия? – вопрошал Фердин.

– Нет.

– Не верю.

– Давайте выйдем в парк, и я попытаюсь вам всё объяснить.

Когда они оказались среди тенистой аллеи, Тия сказала:

– Не стану утверждать того, что помолвка была мной го-

рячо желанна, но она стала моим спасением и избавлением от тяжкой муки, и я благодарна тому, кто пожелал стать моим избранником. Он протянул мне руку, и жизнь влилась в меня, как спасительные тёплые солнечные лучи, обогревающие весной промёрзшую землю. Он занимает все мои мысли, и я стремлюсь, как можно быстрее объединиться с ним, так как разлука меня тяготит и пугает. Я хочу заботиться о нём, стать другом и опорой. Мечтаю открыть свою душу и, окружив теплом, подарить ему нежность моего сердца, что хранилась в нём долгие годы. Он моя жизнь, моя мечта, моё счастье и нет никого для меня на этой земле дороже него.

Замолчав, Тимилия не знала, как ещё объяснить Фердину, что чувствует к Эмирейку, избавившему её от оков смертельного сна.

– Его счастьем можно позавидовать. Вы так любите его, а он вас оставил, заставив тосковать в одиночестве, – печально улыбнувшись, произнёс сын Фейкуса.

Тия не стала разуверять его, посчитав, что принимая её благодарность за любовь, потомок Радексны быстрее забудет красивую незнакомку, когда она уедет.

– Достоин ли я вашего доверия? – вдруг спросил Фердин.

– Конечно, я вам верю.

– Могу ли я узнать имя того, кто завладел вашим сердцем?

– Для чего вам оно?

– Хочу при встрече пожать ему руку и просить беречь вас и любить так же сильно, как я. Буду рад стать его другом.

Тимилия засомневалась в том, как ей стоит поступить. Не зная о ком, она говорила в первый раз, сын Фейкуса, признавшись в своих чувствах, хотел убить соперника. Теперь готов протянуть руку дружбы, но сдержит ли слово, когда узнает правду? Не обозлится ли граф оттого, что его друг так ей дорог? Как Песинг поступит? Если при встрече Фердин расскажет о ней, а Эмирейк всё отрицая, откажется от своих слов. Что если несчастный влюблённый уже позабыл, что клялся в верности статуе? Вдруг он потребует вернуть перстень? Конечно, Тилия его отдаст, но сама исчезнуть не сможет. Проклятие Января привязало её к Мирантону на этот век, и Тия будет следовать за ним, хочет он того или нет.

Наблюдая за печалью, укрывшей чело девушки, Песинг с горечью думал о том, что Тилия ему не доверяет и боится открыться. Но, почему?! Неужели Тимилия не верит его словам или страшится того, что он причинит вред её возлюбленному? Если бы только она знала о том, что он чувствует, ведь его душа поёт и ликует, когда Тилия рядом. Если бы Фердин мог сделать её хотя бы на немного счастливее, то от осознания этого сам допрыгнул бы до небес. Безопасность и спокойствие Тимилии стали для графа важнее собственных привычек и желаний, и теперь ей нечего страшиться.

Ночью Фердин не смог уснуть и с рассвета стоял под окнами особняка Кармола в надежде увидеть ту, которой принадлежала его душа. Дважды за окном мелькнула стройная фигура и глаза, наполнялись нежностью, а губы шептали имя

любимой. Жизнь девушки внезапно стала для Фердина дорожкой собственной, и он обещал себе, пока Тия не станет счастливой, не покидать, защищать и передать тому, к кому рвётся её душа.

– Вы уже его друг, – нарушив молчание, сказала Тилия.

– Чей друг?

– Вы друг того, с кем я обручена, – желая быть честной, ответила она.

– Мы друзья? О, Тимилия, молю не мучайте меня, скажите, кто он.

Тия подала Песингу руку, на которой блеснул золотой перстень, сказав:

– Недавно вы обратили на него внимание.

– Он показался мне знакомым, и я подумал, что мне его кто-то показывал.

– Ваш друг.

Вновь взглянув на перстень, Фердин припомнил, что Эмирейк Мирантон, приехав в его поместье, не сводил влюблённых глаз с Эмиль. Выйдя в парк и держа в руках перстень, сын Бергтака рассказал, что ему его отдала бабушка.

– Она очень тебя любила, – заметил Песинг.

– Да и я её тоже. Она попросила меня быть искренним и добрым, а когда придёт время, избирая спутницу, не смотреть на красоту лица, а заглянуть в душу. Бабушка уверяла, что истинные сокровища хранятся в ней.

– И почему ты об этом вспомнил? – спросил Фердин.

– Твоя сестра, она чудесное неземное создание.

– И ты влюбился.

– Да, мой друг.

– Мм, а повеление бабушки исполнил? – с улыбкой поинтересовался сын Фейкуса.

– Эмиль совершенство.

– Да, все так говорят, – согласился Фердин.

– Эмирейк?! – поразившись, вскричал граф, отступая от Тилии.

– Да, мы обручены.

– Но, как?! Он ведь любит мою сестру!

– Любил и был отвергнут, – возразила Тимилия.

– Он не какой-то там пустоголовый франт, влюбляющийся каждый день в красивых женщин! – рассердился Песинг.

– Вы тоже.

– Что, я тоже?!

– Вы умный и благородный человек. Вам хватило нескольких минут, что бы влюбиться в девушку, проскакавшую мимо на коне, – спокойно ответила дочь Хардока.

Фердин согласился с Тилией, понимая, что красота и нежность небесного цвета её глаз могла свести с ума кого угодно.

– И вы подадите ему руку? – уточнила Тия.

– Да, Эмирейк мой друг и брат, я люблю его, и пусть простят меня боги, но я восхищаюсь им и дорожу больше, чем своей семьёй.

Тимилия облегла́нно вздохнула, но вопрос Фердина завёл её в тупик.

– Однако, где же он, почему оставил вас?

– Не знаю, Эмирейк уехал после обручения, взяв половину моего браслета, – честно ответила Тимилия.

Посмотрев на медную полоску на руке Тилии, которую должны украшать бриллианты и изумруды, граф уточнил:

– Вы поссорились?

– Нет.

– Нужно его найти. Странно, что он не сказал вам, куда едет.

– Вы поможете мне? – спросила Тия.

– Да, конечно. Думаю, мой друг вернулся к родителям, что бы рассказать о том, что скоро приведёт в дом жену, – предположил сын Фейкуса.

– Я не могу уехать из столицы до свадьбы дяди, – огорчилась Тимилия.

– Она состоится через две недели. Никуда за это время Эмирейк не денется. Мирантон занимается делами в поместье, пока старшие братья развлекаются в столице. Не переживайте за него Тилия, я отвезу вас к жениху, – пообещал Фердин.

После помолвки Падос и Тимилия никуда не выезжали, однако правитель решил отпраздновать день рождения наследника до того, как он отправится в поход. Зьюф не по-

слушал возражений знати и объявил о том, что за день до отъезда принца из столицы, подданные должны прийти и поздравить его. Тем же утром знатные вельможи устремились на поиски подарка для наследника трона, стараясь перещеголять друг друга. В назначенный вечер они принесли мраморные статуи и украшения с драгоценными камнями, мечи и кинжалы, привели лошадей в золочёных сбруях, покрытых бархатными попонами, но придворные старались в первую очередь угодить королю, а не Велкану.

Кармол, до свадьбы которого оставалось всего семь дней, выбрал из своих скакунов лучшего и передал в конюшню правителя Духчара. Тимилия идти во дворец не собиралась, но Падос неожиданно стал на этом настаивать.

– Не понимаю, зачем мне там появляться? – удивилась она.

– Неразумный вопрос от разумной девушки, – буркнул старик.

Тя удивлённо посмотрела на советника короля.

– А и правда, разве вас там кто-то ждёт?! Кто-то желает видеть?! – спросил он, поднимаясь из-за стола и покидая гостиную.

Ювик, убедившись в том, что хозяин ушёл, сказал:

– Из дворца правителя посыльный приходил и передал письмо. Прочитав его, Падос спросил дома ли вы.

Посчитав, что на приём Кармола пригласили вместе с племянницей, и не привести её для государственного мужа бы-

ло бы неуважением к королю, Тия, понимая, что это обстоятельство раздражает Падоса, решила поехать. Она чувствовала, что принц добрый и умный человек, к тому же смелый, так как отправляется с войском, а не прячется за спинами подданных. Ей захотелось пожелать ему победы и это так же стало поводом к тому, что бы согласиться и отправиться во дворец с Кармол ом.

Ливари утром принёс от портного платья и Тимилия, выбрав коралловое с белоснежными кружевами и жемчужными нитями, идущими по шлейфу и рукавам, надела его. Лекарь, перестав пить, теперь заботился о своих детях. Прислуживая в доме Кармола, он стал давать разумные советы по лечению болезней, ведь отец обучал Амстоса лекарскому мастерству. Видя, что знания его рода приносят плоды, исцеляя людей, он воспрял духом и благодарил за это девушку, имени которой боялись все Ливари.

Присев в кресло, Тимилия задумалась о том, что подарка для принца у неё нет, да и монет для покупки достойного дара не осталось. Прийти с пустыми руками нехорошо, а просить займы у Падоса Тилия не станет. Придётся ей обойтись тем, что имеет. А что же у неё есть? Золотая цепочка с хрустальной каплей, серёжки с жемчугом и ожерелье с семью ярко-розовыми камнями в форме сердца, окружёнными рубиновыми россыпями.

– Да, это украшение ни королю, ни принцу не подойдёт, – проговорила Тия огорчённо, показывая ожерелье Отми.

– Зато такое украсило бы любую женщину, – со вздохом сказала кухарка, разглядывая сверкающие камни в золотой оправе.

– Да, очень красивое, – согласилась Тилия.

Подняв его и улыбнувшись, дочь Хардока добавила:

– И будет к лицу брюнетке.

Мать Ювика удивилась и ушла, а Тимилия, сжав ожерелье двумя руками, всем сердцем пожелала, что бы оно принесло исполнения заветной мечты и наполнило жизнь счастьем для той женщины, кому она его подарит. Потом спустившись вниз, Тимилия попросила сына кухарки сбегать к ювелиру и купить красивую шкатулку. Юноша быстро исполнил её просьбу и принёс серебрянную шкатулку, заплетённую золотыми нитями с изображённым на крышке сердцем. Тия похвалила его, сказав, что именно такую и нужно было найти. Потом одевшись и набросив на плечи плащ Ливари, Тилия попросила Альфа остаться в особняке. Недовольно заворчав, пёс лёг около кресла, а она произнесла:

– Прости, сегодня я не могу взять тебя с собой. Зьюф не поймёт нас, а его стражники не впустят во дворец. Потерпи немного, скоро мы уедем из этого города.

У массивных пятиметровых золотых ворот, украшенных гербом короля, дорога расширялась, пропуская по четыре кареты на площадь, усыпанную мелкими камешками серого цвета. За ней широкая зелёная аллея вела сквозь огром-

ный парк до самого дворца, где стоявшие по обеим сторонам слуги в длинных жёлтых ливреях, освещали факелами путь прибывающим гостям, но Тимилия ничего не замечала из-за внезапно охватившей её сердца печали и тревоги. Браслет, крепко сжимая руку, ждал, так же, как и Тилия того дня, когда свершив возмездие, проклятая статуя сможет устремиться за тем, кто вернул её к жизни.

Когда двери распахнулись перед ними, Тимилия была ослеплена блеском золота, изумрудов и серебра, отражающегося в хрустальных подсвечниках, спускающихся с потолка на изящных завитых прутах. Подвески шириной в один и длиной в восемнадцать и двадцать сантиметров, окаймляющие сотни свечей, покачиваясь от дуновения ветерка, наполняли залы дворца нежным переливчатым звоном и разноцветными искорками. В отражении блестящих полов можно было рассмотреть подсвечники и наряды танцующих гостей, а на стенах оживающие портреты и пейзажи, закованные в массивные золотые рамы.

Одни из слуг, принимая у двери шляпы, плащи и трости разодетых в шелка и бархат подданных короля, быстро исчезали за белокаменными колоннами. Другие провожали гостей Зьюфа к толстому невысокому мужчине, который, выкрикивая имена и титулы, пропускал их в сияющий от золота тронный зал. Пройдя вперёд ни на кого не глядя, Падос остановился неподалёку от трона, где уже стояли самые уважаемые семьи Духчара со своими детьми. Они по очереди

вручали наследнику Зьюфа подарки, а Велкан с натянутой улыбкой принимал поздравления, поглядывая на неуменпающую толпу вельмож, тянущуюся от самых дверей зала.

Падос пожелал принцу здоровья, и ни словом не обмолвившись о подарке, поклонился и удалился, оставив племянницу одну. Склонив голову, Тимилия хотела поздравить Велкана, но тут услышала его голос:

– Не ожидал увидеть вас сегодня.

Подняв глаза, Тилия посмотрела на принца, а он добавил:

– Знаю, что вы не цените меня в качестве будущего правителя. Почему же пришли? Не потому ли, что от вас этого потребовали?

– Нет, мне хотелось пожелать вам скорейшего возвращения с победой.

– Это правда? – удивился сын Зьюфа.

– И ещё преподнести подарок её высочеству.

Брови принца изогнулись и он, взглянув на жену, переспросил:

– Подарок Жаните?

– Да, если позволите, – ответила, улыбнувшись, голубоглазая девушка.

Удивлённая тем, что её муж ни с кем не разговаривавший за этот вечер, беседует с красивой незнакомкой, принцесса прислушалась к их разговору.

– Жани, подойдите, – позвал наследник трона свою жену.

Принцесса приблизилась к мужу и Тимилия поклонив-

шись, протянула ей шкатулку. Жаните открыла её и ахнула, так как малиновые сердечки заиграли в отсветах пламени, а ограняющие их рубины, рассыпались алыми искрами по стенкам шкатулки.

– Красивое, – заметил Велкан.

– Но, не такое, как ваша жена, – возразила ему Тилия, вызвав удивление и принцессы и рядом стоящих подданных Зьюфа.

– Прошу, ваше высочество, примите ожерелье с искренними пожеланиями счастья, – добавила дочь Хардока, и снова поклонившись, отступила.

Жаните изумлённо посмотрела на Велкана, не сводящего восхищённого взгляда с незнакомки, а когда он улыбнулся, то она помрачнела, подумав, что девушка понравилась принцу. Вернувшись и сев в золотое кресло, принцесса встревожено наблюдала за Велканом, продолжающим принимать подарки. Устав, принц попросил Зьюфа заменить его и присел на трон. Посмотрев на шкатулку, небрежно поставленную женой на столике, он открыл её и, достав ожерелье, некоторое время любовался камнями, затем повернулся к Жаните и предложил:

– Надень. Хочу посмотреть, правда ли ты красивее.

Захлопав длинными чёрными ресницами, принцесса покраснела, и глаза её наполнились слезами. Заметив это, сестра короля сказала:

– Ты сам мог бы его надеть жене.

Поднявшись, сын Зьюфа снял с шеи Жаните цепочку с изумрудами, надел ожерелье и несколько секунд, молча, смотрел на жену, а потом улыбнулся. Сдерживая слёзы, принцесса спросила:

– Тебе смешно?

– Знаешь, а Тилия права. Когда смотришь на ожерелье в шкатулке, то оно кажется великолепным, но глядя на украшение сейчас, я бы сказал, что ты восхитительна, а оно лишь оттеняет твою красоту.

Никогда не слышавшая от мужа комплиментов, Жаните растерялась, а он, подняв её руку, поцеловал.

Тимилия верила, что сила Января исполнит желание принцессы и подарит любовь мужа. Увидев, как Велкан надел на жену ожерелье, она улыбнулась и услышала:

– Чему вы так радуетесь?

– Этот вечер станет для кого-то началом новой жизни, – ответила Тия.

– Но, не для вас, – печально заметил Фердин.

– Я довольна своей судьбой. А вы?

– Ищу другие идеалы, – вздохнув, сказал граф.

– Как ваша сестра? – спросила Тилия.

– Прекрасно себя чувствует, она занята заказом платьев и драгоценностей. Часами описывает подругам свою счастливую жизнь с Падосом, – ответил сын Фейкуса, глядя на танцующих придворных.

– Я виновата в том, что предложила Кармолу жениться на Эмиль, – честно сказала Тимилия.

– Не думайте об этом.

– Я хотела ей отомстить за то, что она жестоко отвергла Эмирейка.

Фердин поражённо посмотрел на Тилию.

– Узнав о том, как я поступила, ваш друг возненавидит меня, – печально проговорила Тия.

Сын Фейкуса, подумав, как бы отреагировал на такое признание Мирантон, сказал:

– Он не поймёт поступка своей невесты.

– О чьей невесте вы говорите? – спросил, подходя к ним Велкан.

Фердин поклонился и, указав на собеседницу, ответил:

– О невесте моего друга.

– Вы обручены? С кем? – огорчение явно слышалось в голосе принца.

– С моим другом Эмирейком Мирантоном, – продолжил отвечать граф.

– Хм. Вы только что появились при дворе, а уже помолвлены. И когда же состоялась ваша помолвка? – уточнил сын короля, посмотрев на Тимилию.

– До того, как я приехала в столицу, – уклончиво ответила она.

– А где ваш жених? – настойчиво расспрашивал принц.

– Он уехал в поместье к родителям, – промолвила дочь

Хардока, огорчаясь оттого, что ей приходится лгать.

– Тогда сегодня по праву защитника королевства, я заменю его, – произнёс Велкан, подавая ей руку, что бы отвести к танцующим парам.

– Благодарю, но я вынуждена отказать вам, – улыбнулась Тимилия.

– Почему? – спросил наследник трона.

– Я выросла вдали от дворцов и меня не учили танцевать, – ответила она, ведь современные танцы сильно отличались от тех, которые Тилия танцевала в своём поместье много лет назад.

– А чему же вас обучали? Вышивать или готовить пищу?

– Многие блюда я приготовить сумею, да и вышивать тоже люблю. Мой отец посвящал дочерям много времени, и я научилась скакать на лошадях, стрелять из лука, планировать наступление и отход войск.

Слушая четырнадцатилетнюю златовласую красавицу, принц несколько раз взглянул на Фердина, а потом, улыбнувшись, сказал:

– Да, такой оруженосец мне бы не помешал.

Тимилия не поняла, шутит он или серьёзен, и Велкан проговорил:

– Я искренен. Многие из придворных, отправляясь со мной на границу, не умеют того, о чём вы говорили. Жаль, что у меня мало времени, и я не успел узнать вас.

Сын Фейкуса побледнел, так как ему показалось, что

принц с нежностью посмотрел на Тилию.

– Я бы хотел снова вас увидеть, – тихо добавил сын короля.

– Дороги судьбы запутаны и никому неизвестны, и всё может случиться, – улыбнулась Тимилия.

– Рад был увидеть и познакомиться с такой удивительной девушкой, как вы, – промолвил Велкан, смутив Тию и заставив Фердина ревновать.

Повернувшись, принц столкнулся с Надэльиль Пунсар.

– О, простите, ваше высочество, я вас не узнала, – проговорила женщина, кланяясь наследнику трона.

– Да, вы так торопились, что чуть меня с ног не свалили. Но, постойте, где же ваша трость? – изумился Велкан.

– Выбросила, – улыбнулась мать Рарека Пунсара.

Удивившись, принц пропустил графиню, а Надэльиль, подойдя к Тимилии, обняла девушку.

– Вы знакомы? – спросил Велкан.

– Да, это чудный ребёнок. Спасибо тебе, – сказала женщина, смущая Тию.

– Не успев узнать вас, подданные этого королевства проникаются доверием и нежными чувствами к вам, – заметил принц.

– Она добрая и искренняя, как же её не любить, – улыбнулась Надэльиль, за эти дни ни разу не вспомнившая о боли, что мучила её долгие годы.

– О, да, как же не полюбить, – повторил Велкан и вздох-

нул.

В отличие от Фердина, Тимилия не поняла, что поразила принца и, запав в душу, заставила Велкана сожалеть о состоявшейся помолвке с Мирантоном. Вернувшись и проведя вечер с отцом и женой, принц больше их не оставлял. Однако Жаните заметила, что настроение у Велкана испортилось.

Тя обрадовалась встрече с Надэльиль и долго с графиней разговаривала, успокоив интересом к женщине, взбудораженное сознание Фердина. Песинг, нервно поглядывая на Велкана, посчитал, что принц хочет назначить девушке тайное свидание, от которого Тимилия не сможет отказаться, ведь он потомок короля и будущий правитель Духчара. Спустя час Кармол уехал, увезя Тилию, но принц даже не встал, что бы проститься с советником отца, окончательно убеждая Фердина в том, что он ошибся.

Утром Велкан уехал из столицы, сопровождаемый тремя сотнями воинов. Принц направился на северо-запад к границе королевства, которую перешли войска племени Ийфанков, захватив города и поместья его подданных. Узнав о нападении, Велкан приказал старейшинам снарядить войско, после чего не задерживаясь в столице, отправился к захваченным Ийфанками землям.

По дороге к войску присоединялись его подданные: крестьяне, свободные воины, знатные вельможи, торговцы и владельцы поместий с гарнизонами. Спустя почти месяц, когда принц прибыл к крепости Пикерон, он возглавлял уже

семьсот воинов, готовых сразиться за свою свободу и короля.

Тимилию всю неделю беспокоили тревожные сны. Чаще всего она бродила по поместью Песинг в парке, смотрела на часовню и заросший бурьяном лес, видела серую тину на поверхности озера и тени в его глубине. Это печалило девушку, так как она помнила эти места совсем иными. Тия пыталась подойти ближе к часовне, и лишь однажды девушке это удалось, но вид разрушенных стен и вырубленных деревьев поверг её в ужас.

Разбитые ступени и надгробные плиты на могилах Хардока, его жены и бабушки, с разбросанными по ним костями, заставили сердце Тилии сжаться от боли, ведь кто-то разграбил и уничтожил её поместье. Из-за обрушившейся стены виднелись развалины замка, а над туманом, поднимающимся от озера, крича, летали вороны, вынуждая Тимилию просыпаться в слезах.

Браслет Января горел и обжигал её руку. Осознавая, что это он показывает родное поместье, Тия спрашивала:

– Чего ты от меня хочешь?! Чего?! Я же покорна, не спорю с судьбой и не мешаю возмездью. Оставь души моих предков в покое! Эфтиан наложил на меня проклятие, так пусть оно не касается никого из моих близких.

– Только когда исполнишь его мечту, – скрипело закрывающееся окно.

– Уверена, что Эмирейк не желал такой участи для Эмиль.

Его душа добра и она уже простила её. Я отыщу Мирантона и сделаю всё, что бы граф стал счастливым, но что потом? Что мне делать потом? Это не мой мир, я не хочу здесь оставаться. Я мечтаю вернуться к тем, кто дорог моей душе и прожить свою жизнь рядом с ними. Если бы я только знала, чего сестра по глупости и жестокости задумала потребовать у Милиарка, я остановила бы её и убедила в том, что бессердечие Радексны причинит столько боли нашей семье и ей самой. Я бы не позволила Тимироллу убить родных и загубить его молодую жизнь. Всем бы рискнула, что бы никогда не случилось того, что произошло в поместье. И мой отец, и матушка, прожили бы долгую счастливую жизнь, окружённые дочерьми и внуками.

Посмотрев в окно, и увидев розовые полосы на небе, девушка, одеваясь, каждый день выходила в парк, ожидая прихода Фердина. Пробыв не более получаса в особняке Кармола, сын Фейкуса уходил, что бы ни стать скучным и назойливым собеседником. В беседах с ним, Тимилия обретала покой и снова улыбалась, вызывая гнев советника короля, который после того, как Песинг уходил, кричал:

– Не желаю его видеть в своём доме!

– Фердин вскоре станет вашим родственником, – напомнила ему Тия.

– Жил без него столько лет и дальше проживу... не желаю видеть! Незачем приманивать Фердина!

– Я не приманиваю.

– Как же! Всё улыбаешься ему, беседы ведёшь, а он оторваться от тебя не может!

– Не стоит вымещать своё недовольство на других только потому, что они молодые и добрые. Скоро я уеду, и тишину вашего дома ничто не нарушит.

– Скорее бы! – ворчал старик, растирая больную руку.

В один из дней, поднявшись и умывшись, Тилия спустилась вниз. Проходя мимо неё, Кармол не ответил на приветствие и девушка, войдя в гостиную, попросила Ювика принести завтрак. Альф присел рядом, ожидая куска мяса, который выделяла ему кухарка, и тут дверь в коридоре хлопнула и юноша, вернувшись, рассказал, что пришёл Января и просит Тилию выйти из дома. Удивившись, Тимилия поднялась в свою комнату, накинула плащ и вышла в парк, где переминаясь с ноги на ногу, её ждал потомок мага.

– Не губите! – вскричал он.

– Что случилось? – спросила Тилия.

– Я убил... убил.

– Кого убил? – испугалась Тия.

– Он пришёл ко мне, в надежде на помощь, а я ему отказал и тогда старик попросил воды. Я вышел из комнаты, а когда вернулся, то, подставив к стене стул, он снял несколько пузрычков с верхней полки и, перемешав порошки, проглотил щепотку. Потом, взяв у меня воду, старик выпил её.

– И?

– Потом он закричал и упал на ковёр.

– А вы?

– Мои дети, испугавшись, заплакали, я подхватил их и отнёс к соседке, а затем бросился к вам. Спасите старика, умоляю!

– Идём, – согласилась Тимилия, однако войдя в дом лекаря, они не нашли никого ни в кабинете, ни в других комнатах.

– Он лежал здесь, – показал на ковёр Амстос.

– Возможно, вам показалось, и никто не приходил.

– Нет... это был седой дряхлый старик с длинным крючковатым носом. Он постоянно кашлял, когда глаза его слезились, и вытирал лицо краем плаща с золотыми пуговицами.

– Значит, он богат, – предположила Тия.

– Нет, по виду нищий.

– А пуговицы?

– Я и сам удивился. У него не было монет, и старик обещал расплатиться, отдав мне одну из них.

– Может, он ростовщик и живёт в другой части города?

– Нет, никогда его не встречал, а уж у кого только я не занимал за последние годы. Странно то, что старик называл меня по имени, а когда я открыл дверь, то прошёл сразу в кабинет, хотя в коридоре у меня три двери и все они были закрытыми, – произнёс, успокоившийся мужчина.

– А какие порошки он смешал? – поинтересовалась Тимилия.

– Не знаю. На верхней полке стояли несколько ящиков, что достались мне от деда, но я, не зная их назначения, не трогал.

– А старик взял и проглотил, – вслух размышляла Тия.

Достав пузырьки, Ливари показал их девушке и сказал:

– Их было двенадцать, а сейчас осталось восемь. Наверное, он их унёс. Я его в дом впустил, а он меня обокрал!

Посмотрев на пузырьки, одни из которых были заполнены кристалликами разного цвета и размера, а другие порошкам, и не найдя ни одной надписи, Тимилия решила:

– Счастливый вор. Войдя в чужой дом и приняв неизвестное лекарство, он выздоровел и убежал. Видимо, старик понимал, что делал.

– Понимал? – удивился Амстос.

– Да. Мы бы этого никогда не сделали, потому что не знаем, что внутри. Уберите их подальше, что бы дети ни нашли, – посоветовала дочь Хардока.

– А может, выбросить?

– Не стоит. Если старик вернётся, расспросите его, возможно, он лекарь и расскажет какие болезни, они могут излечить. Не зря же ваш дед хранил их.

Ливари спрятал пузырьки с цветными порошками и проводил Тию в дом Кармола. Войдя в гостиную, что бы позавтракать, Тилия вздохнула и хотела присесть за стол, но видимо, ей не суждено было этого сделать. В кресле у камина её ждала женщина, которая смотрела на огонь, пляшущий на

дровах. Услышав голоса в коридоре и шаги, гостья повернула голову и, увидев её, Тимилия забыла о том, что голодна.

– Это вы, госпожа? – удивилась она.

Вздохнув, женщина поднялась и сказала:

– Мне нужно поговорить с тобой без свидетелей.

– Пройдёмте в сад, – предложила дочь Хард ока, снова надевая плащ.

Присев на скамью, и подняв на девушку чёрные крупные глаза, гостья в тревоге и отчаянии не знала с чего начать разговор, поэтому попросила:

– Присядь рядом.

Тилия послушно села и женщина, решив не ходить вокруг да около, тихо проговорила:

– Я не знаю тебя и тех причин, по которым ты приехала в столицу, но твоё появление вскружило головы многим мужчинам.

Взгляд синих глаз, прямо смотрящих на собеседницу, ясно говорил о том, что она не поняла её и гостья добавила:

– Ты молода и красива, мужчины тянутся к тебе, и ты смела в разговорах с ними.

– Считаете это дурным поведением? – спросила Тия.

– Не важно, что я считаю.

– Важнее то, что думают обо мне мужчины. Я правильно вас поняла?

– Да.

– И что же они думают? – задала вопрос Тимилия.

– Что ты не такая, как другие, это их привлекает. Ты нравишься им, и они хотят встретиться с тобой вновь.

– Что в этом плохого, госпожа?

– Всё зависит оттого, кому ты понравилась.

– Я привлекла внимание, на которое не имею права? – поразилась Тилия.

Печальные глаза женщины коснулись лица девушки, огорчённой таким замечанием. Покачав головой, Тия произнесла:

– Вы, наверное, посчитали, что я специально так разговариваю, что бы в центре внимания мужчин быть? Нет, нет, я не стремлюсь к этому.

– Однако в итоге, получается наоборот. Ты вошла в мой дом, как гостя, а ушла, как вор, забрав моё счастье, – тихо сказала Жаните.

– Я не искала внимания вашего мужа, клянусь! – воскликнула Тилия.

Принцесса печально посмотрела на неё и проговорила:

– Все стремятся угодить принцу, завладеть мыслями Велкана, привязать к себе, и я смирилась, но когда появилась ты, он стал улыбаться, говорить со мной.

– А раньше этого не было? – удивилась синеглазая девушка.

– Уже несколько месяцев. В тот вечер, после того, как гости разошлись, Велкан проводил меня до спальни и остался. До рассвета он мне рассказывал о своём детстве и юности. Я

узнала столько, сколько не слышала от него за два с половиной года. Велкан даже дочь обнял и поцеловал.

– У вас есть дочь? – обрадовалась Тия.

– Да, ей одиннадцать месяцев, – печально промолвила Жаните.

– Я не знала.

– Об этом мало говорят, вернее совсем не вспоминают.

– Почему?

– После свадьбы маг предсказал королю появление одного внука, сказав, что жена его сына не сможет родить второе дитя. С тех пор интерес Зьюфа к невестке был исчерпан, – вздохнув, объяснила принцесса.

– Вы молоды и родите ещё сына.

– Когда моя девочка должна была появиться на свет, то она чуть не умерла. Врачи заявили, что мои бёдра очень узкие и ребёнок не сможет... выйти. Я сутками рыдала, а они ничем не желая помогать, твердили королю, что я не способна выносить дитя, но Творец сжалился надо мной, и я родила дочь. Девочка была так мала и хрупка, что во время родов её ножка сломалась и теперь она вряд ли будет ходить. Хотя врачи выходили меня, лучше бы я...

– Не говорите так, – прервала собеседницу Тилия.

Сдержав слёзы, Жаните тяжело вздохнула, а Тия спросила:

– А что говорит ваш муж?

– С того дня, как родилась наша дочь, Велкан перестал

меня замечать. Я для мужа не существовала вовсе, и стала дальней родственницей, с которой ему приходилось изредка разговаривать. Велкана это огорчало и порой мне даже казалось, что моё присутствие принца мучило, но я ничего не могла с собой поделать. Я люблю Велкана и не могу жить без него, – проговорила женщина и посмотрела на цветущие деревья, стоящие за соседней скамьей.

Тимилия поразилась отчаянию и боли, что были скрыты под печальным взглядом этой черноглазой красавицы, и захотела ей помочь.

– Из тысяч женщин муж выделил тебя и я хочу понять, что привлекло его, – проговорила Жаните, снова взглянув на девушку.

– С самой первой минуты я была искренна и говорила то, что думаю, не боясь ни гнева принца, ни осуждения общества, но клянусь, я не пыталась соблазнить или заинтересовать вашего мужа, – откровенно ответила Тия.

– Мне сказали, у тебя есть жених.

– Кто сказал? – поинтересовалась дочь Хардока.

– Жена Фейкуса Песинга.

– Я обручена и с нетерпением жду момента, когда смогу покинуть Мэтл и встретиться с ним.

– Чего ты ждёшь? – спросила принцесса.

– Свадьбы Эмиль и Падоса.

– Любишь ли ты своего жениха? – задала следующий вопрос Жаните.

– Простите, но мы не близкие подруги, и я бы ни хотела изливать перед вами душу, – отказалась отвечать Тилия.

– Да, но я, открывая тебе своё сердце, прошу сказать правду и успокоить меня.

Тимилия опустила взгляд и принцесса прошептала:

– Хотя бы солги.

– Мне незачем вам лгать, госпожа. Я уважаю и восхищаюсь человеком, с которым меня свела судьба. Он стал для меня всем, и другие мужчины не существуют, ведь мой избранник всегда со мной, – произнесла Тия и взглянула на перстень рода Мирантон.

– Однако ты так и не сказала, что любишь его.

– Любовь у каждого своя, ваше высочество.

Вздыхнув, Жаните решила, что ей пора возвращаться во дворец.

– Позвольте проводить вас, – поднимаясь со скамьи, предложила Тия.

– Я не заблужусь.

– Из-за меня вы покинули свой дом, и я буду волноваться за вас.

Пожав плечами, принцесса вышла из сада и пошла по мостовой, и Тилия догнала её после того, как сообщила Ювику, что уходит.

– Кто эта женщина? – спросил сын кухарки.

– Передай Падосу, если вернётся раньше меня, что я пошла к портному.

Шутливо поклонившись, юноша закрыл за ней двери, а Тия оказавшись рядом с Жаните, услышала её вопрос:

– Почему ты подарила мне ожерелье?

– Ваша печаль поразила меня, когда я впервые увидела вас.

– Тебе показалось. Я счастлива, – возразила принцесса.

– Конечно, госпожа, только ваши глаза чаще говорят об ином.

– Мои глаза видят то, чего не должны видеть и показывают другим то, о чём не стоит никому знать, – печально проговорила Жаните.

– А как зовут вашу дочь? – поинтересовалась Тилия.

– Рэлзи.

– Позвольте мне увидеть её, – попросила Тия.

– Для чего?

– Возможно, и принцессе я смогу сделать подарок.

Когда Жаните шла к племяннице Кармола, то она считала её жестокой и коварной соперницей, стремящейся похитить у неё мужа, что бы прожить с ним долгую счастливую жизнь. Поговорив с девушкой, принцесса, боялась ей верить, ведь внимания Велкана искали десятки красавиц, однако Жаните не смогла прогнать Тимилию и позволила ей войти во дворец. Поднявшись в свои покои и открыв дверь, принцесса на цыпочках подошла к кроватке, в которой спала черноволосая девочка. Кормилица, поклонившись, вышла из комнаты, а крошка, как бы почувствовав, что её матушка рядом,

проснулась и открыла глазки.

– Серые, как у отца, – тихо проговорила Тия и улыбнулась.

Жаните вздохнула, ведь никто кроме неё не замечал, как девочка похожа на Велкана. Только она одна видела в ней мужа, его скулы и нос, улыбку, так редко озаряющую лицо принца. Малышка улыбнулась и протянула Жаните ручки. Подняв и нежно прижав к себе Рэлзи, принцесса поцеловала её.

Представив, что малышка бегает по дворцу и счастливо смеётся, Тимилия поклонилась и спросила:

– Позволит ли ваше высочество мне взять Рэлзи на руки?

Не зная, как поступить, ведь никто кроме неё и кормилицы не подходил к девочке, Жаните побоялась, что дочь испугается, увидев незнакомку. Однако ясные серые глазки посмотрели на Тию, и она протянула к девушке ручку.

Медленно принцесса передала дочь, а Тимилия видя малышку взрослеющей, поющей и танцующей, влюбляющейся, затем выходящей замуж и держащей на руках первенца, прошептала:

– Всё так и будет, верь мне.

Не моргая, маленькая принцесса некоторое время смотрела ей в глаза, а потом засмеялась и обняла, озадачив Жаните. Отступив от неё на два шага, Тимилия опустилась на колени и неожиданно для жены Велкана, поставила крошку на ноги. Ахнув, мать побледнела, ожидая услышать крик боли, но её дочь, продолжая стоять на ножках, улыбалась.

– А теперь иди к мамочке, – сказала Тилия.

Повернувшись и покачиваясь, девочка сделала несколько шагов и упала в объятия заливающейся слезами Жаните.

– Не плачьте, ваше высочество, она будет бегать, и прыгать, оглашая этот дворец радостными возгласами. Принц вернётся из похода и ваша заветная мечта сбудется.

Глядя на Тию, принцесса не смогла вымолвить ни слова, а Рэлзи шагнула к Тимилии и вскоре вернулась обратно к Жаните. Подняв малышку на руки, жена Велкана спрятала заплаканное лицо в кружевах платья дочери, а затем с благодарностью посмотрела на девушку, которую недавно считала своим врагом. Простившись с принцессой, Тия покинула дворец.

Несмотря на внезапно возникшую головную боль, Тимилия порадовалась тому, что смогла избавить малышку от тяжкой доли – провести всю жизнь в постели, принеся отцу и матери море слёз и боли. Голова Тимилии кружилась и девушка, пройдя в парк, просидела на скамье несколько часов, вспоминая детство, отца, матушку и сестру.

Вернувшись в дом Падоса, Тия вошла в свою комнату, присела в кресло и уснула. Проснулась Тимилия на следующее утро, когда служанка, постучав в дверь, спросила, готова ли госпожа к отъезду, ведь их хозяин уже ждёт её. Быстро поднявшись, Тилия покачнулась и служанка, войдя, испугалась, что она упадёт, но девушка успокоила её. Умывшись

и переодевшись в золотое с лиловым шлейфом платье, приподняв наверх и закрепив широкой полосой волосы, Тия поспешила спуститься вниз.

Услышав рокочущий в коридоре голос Кармола, Тиля извинилась за то, что заставила графа ждать. Сев в карету, Тимилия посмотрела на мужчину. Падос, как всегда подтянутый, в чёрном сюртуке с золотыми пуговицами и перстнями на руках, не замечал её присутствия, и Тия вновь подумала о том, какая тяжёлая судьба ожидает Эмиль.

Когда карета остановилась, Тиля, выглянув из неё, удивилась, ведь она считала, что они сразу поедут в храм, а оказалось, что Кармол до церемонии решил поговорить с Фейкусом. Пройдя за Падосом в особняк, Тия увидела Фердина, стоящего с безразличным видом рядом с родителями, однако взгляд графа ожил, как только он увидел Тимилию. Подав ей руку, Фердин провёл Тию в зал и она спросила:

– Невеста уже в храме?

– Только что изволила встать с постели, – усмехнулся брат Эмиль.

– Как? Церемония ведь назначена на десять часов.

– Да, но моя сестра привыкла к тому, что её везде ждут, потому она и не торопится.

Позавтракав, и не поздоровавшись с племянницей жениха, дочь Фейкуса поднялась в свою комнату. Сожалея о поведении сестры, Фердин сказал:

– Вы не сердитесь на неё, Тимилия. Эмиль с детства была

высокомерной и требовала преклонения. Матушка во всём уступала и теперь моя сестра стала такой, но думаю, жена Кармола изменит свои привычки, ведь граф не станет терпеть капризов и приучит к порядку. Хотя Падос и обещал Эмиль свободу, сдаётся мне, что получит она совсем не то, что ожидает.

– И вам не жаль сестру? – спросила Тия.

– Нет. Бить её муж не посмеет, а вот укротить буйный нрав, привив своей жене покорность, может. Это замужество пойдёт на пользу Эмиль.

– А если бы она приняла предложение Эмирейка?

– Мой друг стал бы несчастным человеком, не уважаемым и не любимым. Эмиль использовала бы его положение и золото, а потом оставив, жила бы в своё удовольствие в столице, а не в далёком поместье.

– С Падосом так не получится?

– Кармол поместит жену в чёткие границы дозволенного, уже в этом году моя сестра вспомнит о нежных сонетах и стихах, что ей посвящали молодые влюблённые. Эмиль пожалеет и о том, что выбрав богатство и старого мужа, отказала Эмирейку, – уверенно произнёс Фердин.

Через полчаса кареты медленно выехали из ворот и покатились к храму, где их четыре часа ждали приглашённые на церемонию священник и гости. Обряд был проведён быстро, ведь Кармол сказал, что его ждёт король. Сразу после того,

как жениху и невесте надели на руки кольца и объявили мужем и женой, Падос, взяв Эмиль за руку, вышел из храма. Посадив жену в карету, и отвезя к родителям, он вернулся в свой особняк, где его ожидала Тимилия.

Советник правителя Духчара мрачно посмотрел на синеглазую девушку, а она попросила графа присесть в кресло, положить руки на колени и закрыть глаза. Зная, что Тилия излечила хромоту Надэльиль Пунсар, Кармол не стал возражать. Опустившись на колени, девушка приложила ладони к его кистям и представила, как Падос молодеет. Волосы на голове графа темнеют, а тело наливается жизненной силой. Спустя несколько минут, Тимилия, у которой заболела голова, и занемели руки, обессилена отстранилась от него.

Поднявшись и обойдя Тилию, Кармол подошёл к зеркалу и, увидев свои потемневшие волосы, подтянутую кожу на лице и шее, несколько раз сжал пальцы в кулаки. Они не болели, в коленях не ныло, взор стал яснее, а осанка прямее и Падос чувствовал прилив сил, как в молодости.

– Если здоровье покинет меня ранее оговорённого срока, Эмиль познает мой гнев, – сказал граф и ушёл.

Не понимая, отчего она обессилела, Тимилия, поднявшись, на дрожащих ногах, добрела до двери и шагнула за порог, где упала, не узнав о том, что в особняк вошёл Фердин. Сын Фейкуса попросил слуг сообщить Тин о своём приходе и Ювик, сказав графу, что госпожа в кабинете хозяина, поспешил исполнить приказание Падоса, который уходя, снова

накричал на юношу.

Увидев Тимилию на полу, Фердин подбежал и, подняв, усадил её в кресло. Вскоре, очнувшись, Тилия обвела безжизненным взглядом комнату и Песинг, подав воды, спросил, что случилось, и почему её ударил Кармол. Удивлённо посмотрев на него, девушка выслушала объяснения графа:

– Я ждал вас у ворот, но вы не выходили и тогда я решил зайти. Прошло больше часа, как Падос уехал. Он вас ударил?

– Нет. Я споткнулась и упала. Простите, но я не поеду с вами.

– Конечно, позвольте, мне помочь вам дойти до вашей комнаты.

Поднявшись, Тимилия сделала несколько шагов и снова упала. Подхватив её, Фердин отнёс Тию наверх и уложил в постель. Увидев Песинга, идущего по лестнице, Ювик, позабыв о поручении Падоса, побежал за ним, а потом отыскал Амстоса. Осмотрев Тилию, лекарь посчитал, что она переутомилась и, сварив отвар из трав, что хранились у кухарки, напоил её. Тия заснула, а Фердин, просидев у её постели до сумерек, уехал, что бы вернуться утром.

Войдя в свой особняк, в котором никто даже не заметил его отсутствия, молодой граф, взглянув на советника короля, прошёл мимо. Песинг подумал о том, что могло произойти в доме Кармола, до того, как хозяин покинул его, но истинной причины определить не смог, однако Фердин посчитал Падоса виновным и потому решил ещё раз расспросить слуг.

Спустя несколько часов сказав жене, что бы она вышла из особняка и села в его карету, Кармол простился с её родителями. Подруги, хотя и улыбались, но завидовали тому, что сестра Фердина стала женой советника Зьюфа. Она, полагая, что теперь получит всё, о чём мечтала, свысока смотрела на всех и усмехалась. Увидев, что Эмиль устроилась на кушетке с подругами, её муж громко произнёс:

– Потрудись вести себя подобающе своему положению.

Улыбки исчезли с лиц девушек, говоривших с супругой советника короля. Эмиль, считая, что может игнорировать это замечание, даже не повернулась, решив выспаться в доме родителей. Кармол нахмурился, а хозяин дома, зная, что Падос ни от кого не потерпит возражений, побледнел. Подойдя к Эмиль, советник правителя Духчара протянул ей руку.

– Не пойду, – сказала дочь Фейкуса.

От того, как сильно Кармол сжал губы, они посинели. В следующий миг его рука поднялась, и он ударил жену по щеке. От неожиданности девушка качнувшись, упала, а Падос, наклонившись и поставив Эмиль на ноги, тихо проговорил:

– Мои приказы не обсуждаются. Если сейчас не выйдешь, вытащу тебя за волосы.

Свидетели ссоры молодожёнов онемели, а советник Зьюфа размеренной походкой покинул зал, надел плащ и, забрав из рук слуги трость, вышел из особняка. Фейкус приказал дочери немедленно последовать за мужем, когда она обрати-

лась к нему за защитой, не приняв её слёз и требований.

Карета Кармола подъехала к лестнице и в то же мгновение приоткрылась дверь особняка и на пороге появилась Эмиль. Как посмел он поднять на неё руку, да ещё в присутствии подруг и отца?! Сейчас она мужу всё выскажет и заставит при всех извиниться. Падос умолять будет, что бы она его простила, думала девушка, забираясь в карету и садясь напротив мужа.

Кучер хлестнул лошадей кнутом, и Эмиль воскликнула:

– Ваша выходка омерзительна!

Молниеносно кисть мужчины взлетела и оставила на щеке красавицы ещё один малиновый след.

– Да как вы смеете?! – возмутилась любимица Фейкуса.

– Ты принадлежишь не себе, а мне! И что бы больше ни возвращаться к этому разговору, уясни: ты – моя собственность, и я делаю и буду делать с тобой всё, что пожелаю. Если ты станешь перечить, буду бить и не рукой, а этой тростью, – проговорил Падос, показывая трость с каменной ручкой.

Эмиль побледнела, а Кармол добавил:

– Запомни, не ты глава своей жизни, я твой господин.

– Но, вы обещали мне свободу!

– Свободу только в твоих мыслях, но не в словах или действиях. Пока я не разрешу, ты даже чихнуть не посмеешь. Наказание последует мгновенно.

– Но, я дочь Фейкуса Пе...

Не дав договорить, Падос ударил жену тростью по руке,

вызвав крик боли, за которым последовал второй удар.

– Пока не позволю, и рта не раскроешь, – сказал он.

– Не имеете права, мой отец...

Кармол вновь ударил её и девушка вскричала:

– Вор и обманщик!

– Счастье вора в том, что похитив желаемое, он не только не был наказан, а наоборот, вознаграждён, – усмехнулся Падос.

– Не позволю...

Наклонившись, Кармол сдавил рукой горло девушки и Эмиль, задыхаясь, взмахнула руками, но граф не отпустил, пока глаза красавицы не закатились. Очнулась Эмиль, когда они подъехали к дому Падоса и граф сказал:

– Иди в свою комнату и не выходи, пока не позову.

Дочь Фейкуса хотела ему возразить, но получила очередную пощёчину. Ужас охватил душу Эмиль оттого, что Кармол чуть не убил её из-за того, что она посмела прекословить. Что же будет, если Эмиль захочет навестить отца или принять в доме подруг, а Падос ей не позволит? Как же она ошибалась, поверив лживым обещаниям. Эмиль мечтала о свободе, а оказалась в клетке, оттого, что не послушала брата, говорившего о том, что Кармол жесток. Она поступила по-своему и вот награда. Что же Эмиль теперь ждёт, какая жизнь?!

Такого мужа она себе не желала. У кого искать защиты, ведь отец выгнал её, а брат не вмешается, ведь Падос Фер-

дина может вообще не впустить в свой особняк.

– Госпожа, вас зовёт хозяин, – подойдя к карете, сказал Ювик.

Со страхом приблизившись к дому, девушка в дверном проёме увидела фигуру мужа. Подойдя к нему, она услышала приказ:

– Иди, твоя комната наверху в правом крыле. Служанка отведёт тебя.

Повернувшись, Кармол прошёл к кабинету, а полная пожилая женщина, поклонившись, направилась к лестнице, говоря:

– Мы приготовили для вас самую светлую комнату. Госпожа Тилия сама её обустроила.

– Тилия? – спросила сестра Фердина, не поняв о ком, говорит служанка.

– Да, племянница хозяина.

Смутно припомнив светловолосую девушку, от которой не отходил брат, Эмиль стала подниматься по ступеням. У неё горело лицо, и болели руки от ударов трости. Эмиль стыдилась того, что слуги смогут догадаться о том, что муж бил её, потому спешила войти в комнату. Дочери Фейкуса необходимо было обдумать своё положение и решить, как заставить Кармола уважать их договор.

Закрыв дверь, и не обратив внимания ни на кровать с балдахинном, ни на столик и кресла у окна, девушка долго ходила из угла в угол, не заметив, как за окном рассвело. Вспо-

миная рассказы женщин, которые часто слышала во время приёмов, Эмиль не могла припомнить, что бы хоть одна пожаловалась на жестокое обращение мужа. Посмотрев на синяки, появившиеся на руках, она снова побледнела, представив, что Падос продолжит её бить.

В дверь кто-то постучал, но Эмиль не ответила. Стук повторился, затем дверь отворилась и на пороге появилась племянница её мужа. Чувствуя, что одна щека опухла, дочь Фейкуса, не желая, что бы её видели, отвернулась к окну. Подойдя к ней, Тилия сказала:

– Вы ещё не переоделись, госпожа, а я хотела пригласить вас к обеду.

– Что тебе нужно? – резко спросила Эмиль.

– Вы сердитесь? Вам, наверное, не понравилась комната? Хотите, покажу вам другие покои, – предложила Тия.

– Оставь меня! – выкрикнула в лицо девушки жена Падоса, повернувшись.

Тимилия сразу заметила пятна на лице и руках Эмиль и уточнила:

– Это муж вас ударил?

Сестра Фердина отвернулась, сдерживая слёзы.

– С первого дня он поднял на вас руку. За что?

Дочь Фейкуса промолчала, но Тия настаивала и она сказала:

– Я хотела остаться в доме родителей.

– И Кармолу это не понравилось?

– Он ударил меня при всех.

– Мужу нельзя перечить, тем более на глазах у кого-либо.

Кармол жесток и мстителен, если будите возражать, щадить вас граф не станет, – проговорила Тилия, рассердившись на советника Зьюфа.

Эмиль заплакала впервые в жизни, а Тия, вновь сожалея о том, что стала орудием возмездия, сказала:

– Запомните, с этого дня вы не должны мужу ни в чём возражать, и только покорность позволит вам жить спокойно.

– В этой тюрьме?! – вскричала дочь Фейкуса.

– Как бы вы, Эмиль, не называли этот дом, он теперь ваш, и только от вас будет зависеть, как вы в нём проживёте. Слушайте мужа и исполняйте всё, что граф потребует, особенно если при этом будет кто-то присутствовать. Молчите и не упрямитесь, станьте его тенью, ведь вы умны и понимаете, что у вашего мужа есть и права и сила, и он ими воспользуется, что бы добиться своего. Я слышала, что одного из слуг, не угодившего ему, Кармол запер в подвале и позабыл о нём, и мужчину до костей обглодали крысы. Поверьте, Падос и не на такое способен, потому смиритесь, – посоветовала Ти-милия.

У Эмиль от страха застучали зубы, а Тилия предложила ей переодеться и спуститься вниз.

– Нет, – отказалась жена хозяина особняка.

– Почему?

– Он запретил, – помолчав, ответила сестра Фердина.

Тимилия попросила служанку помочь Эмиль переодеться, а сама, пройдя к кабинету советника короля Духчара, постучала и, не ожидая ответа, вошла. Кармол что-то быстро писал, сидя за столом. Подняв на мгновение взгляд, он отвернулся от девушки.

– Вы ударили Эмиль! – возмущённо воскликнула Тия.

– Пожаловалась уже, – усмехнулся Падос.

– Нет, это и так видно, у неё щека опухла и руки в синяках.

– Заслужила.

– У нас уговор. Эмиль должна жить, – напомнила Тилия.

– Я его не нарушаю, а норовистых кобыл учить нужно.

– Эмиль не животное, а ваша жена.

– Пока, она этого не доказала.

– Вы жестокое чудовище!

– Помолодевшее на десять лет, – довольно добавил Кармол, поднимая на возмущённую девушку глаза.

– Эмиль является гарантией того, что боли не вернуться.

– Я помню об этом, но предпочёл бы иную жену.

– Покорную, слепую и немую, – предположила Тия.

– Нет, такую как ты.

– Я не уступила бы вам, – удивившись, проговорила дочь Хардока.

– Знаю, это меня и влечёт к тебе, ведь ты смелая и сильная, а она глупая, пустая склянка. Нет в ней ни красоты, ни ума, – высказался старик.

– Вы её не разглядели.

– Посмотрим, какой под моим руководством станет вздорная дочь Фейкуса, – вновь усмехнулся Падос.

В дверь постучал слуга и сообщил, что в гостиной накрыли на стол.

– Хорошо, идём обедать, – решил Кармол.

– Ещё... там...

– Что ты мычишь?!

– Пришёл Фердин Песинг, – сказал Ювик.

Падос нахмурился и произнёс, проходя мимо Тилии:

– Придётся принять его сегодня.

Войдя за ним в гостиную, Тия попросила Кармол а:

– Позвольте Эмиль обедать с нами.

– Что бы она тут на груди брата рыдала. Нет.

– Эмиль не будет плакать. Разрешите, я схожу за ней и приведу.

– Иди, – подумав, сказал Падос и, усевшись в кресло, позволил впустить брата своей жены.

Тимилия поднялась наверх, а Фердин поздоровался с хозяином особняка и, оглядев гостиную, остановился у двери.

– Проходите... присаживайтесь, – усмехаясь, проговорил Кармол, решив посмотреть, как себя будет вести Эмиль.

Предупредив дочь Фейкуса о том, что она не должна пролить ни единой слезинки, и если Фердин спросит о синяках, сказать, что споткнулась и упала, Тия подрумянила щёки Эмиль. Потом помогла надеть перчатки и, приведя в гостиную, села рядом с ней.

Фердин обратил внимание на молчаливость сестры и её опущенные вниз глаза, поэтому спросил о том, как она себя чувствует.

– Хорошо, немного устала. Слишком много вчера танцевала.

Молодой человек перевёл взгляд на её мужа, спокойно разрезающего на своей тарелке кусок мяса, и тут Кармол уточнил:

– Когда ты поедешь к жениху, племянница?

– Хочу завтра утром отправиться в путь, – ответила Тия.

– Я на рассвете уеду во дворец и вернусь поздно, ты можешь меня не ждать. Не забудь на свадьбу пригласить, – усмехнулся хозяин дома.

Нахмурившись, Тимилия ему не ответила, не желая лгать и убеждать всех, что её с Падосом связывают тёплые чувства. После обеда он уехал, а Эмиль по указанию мужа поднялась в свою комнату и больше вниз не спускалась.

– Что происходит? – спросил Фердин, удивляясь молчанию сестры.

– Сейчас Эмиль учится покорности. Теперь она не всеобщая любимица и обожаемая дочь, а безропотная исполнительница воли своего мужа, но вы не волнуйтесь, ваша сестра справится со своими обязанностями.

– Хорошо. Вы завтра уезжаете? Будите искать Эмирейка?

– Да, но не знаю с чего начать, и хотела попросить вас подсказать, как мне доехать до его поместья, – ответила Тия.

– Рад, что вы спросили, я вас провожу.

– Поместье далеко и вашим родителям разлука сразу с двумя детьми будет тяжела.

– Мы уже выросли, и они приняли это. Я бываю дома по три-четыре месяца в году, и матушка к этому привыкла. Завтра я заеду за вами, – сказал Фердин и, простившись, ушёл.

Поговорив с Января, Тия попросила его позаботиться о Эмиль и защитить, если Кармол вздумает бить жену. Амстос в этом случае должен напомнить Падосу о договоре, заключённом с Тирией и о том, что она вскоре вернётся в столицу.

Оставив свои платья Эмиль, и надев утром мужской костюм, что купил для неё потомок Января, Тия набросила на плечи плащ мага и сев на коня, которого она оставила в гостинице, приехав в Мэтл, покинула город Зьюфа. Спустя несколько дней её силы полностью восстановились и щёки Тимилии вновь окрасились нежным румянцем, а появившаяся на алых губах нежная улыбка успокоила и обрадовала Фердина. Граф, ставший для Тирии братом, разведя вечером костёр около опушки леса, по её просьбе, с удовольствием рассказал о том, как познакомился с Мирантоном. Оказалось, что восемь лет назад, когда брату Эмирейка исполнилось восемнадцать, он принял участие в турнире и ему понадобились оруженосцы.

– У меня старших братьев и кузенов не было, и я с завистью смотрел на мальчишек, допущенных к турниру. Я знал,

что они только выводят на поле лошадей, кормят их и чистят оружие, но безумно хотел быть среди них. Мне исполнилось двенадцать лет, а Эмирейку одиннадцать и он был самым юным оруженосцем. Над ним посмеивались все участники турнира, а когда перед состязанием у коня Димилона подкова отлетела, то Эмирейку посоветовали обратиться к кузнецу, живущему в деревне. Юный Мирантон побежал к лесу, за которым располагалось селение, но я остановил его, понимая, что он не успеет вовремя вернуться и отвёл к своему кузнецу. Так мы и подружились, а когда Димирон на следующий день в турнире лучников участвовал, Эмирейк позвал меня, и мы сопровождали его брата, неся лук и стрелы. Я рад тому, что Мирантон остался таким же добрым, как в детстве и горжусь тем, что он мой друг.

Тилия улыбнулась, а Фердин сказал:

– Раз я стал твоим спутником, то позволь без титулов и лишних поклонов обращаться к тебе.

– Согласна.

– Теперь хочу тебя услышать.

– Меня? – удивилась Тимилия.

– Расскажи, как вы встретились с Эмирейком, – попросил Песинг.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Тин и она, погладив по голове Альфа, устроившегося у её ног, тяжело вздохнула.

– Порой мне кажется, что ты скрываешь что-то такое, чего я не пойму и не приму. Скажи, что тебе не позволяет быть

до конца откровенной? Разве ты не можешь доверить этого мне? – опечалившись, спросил Фердин.

– Ты мой единственный друг и я готова тебе открыться, но наша встреча с Эмирейком необычна и невозможна. Вернее, её невозможно представить, не веря в то, что чудеса случаются, – вздохнув, сказала Тимилия.

– Я верю.

– Боюсь, ты изменишь ко мне отношение, когда услышишь эту историю. Прости, но сейчас, я не хотела бы об этом говорить.

Понимая, что этим обижает молодого человека, Тилия всё же не решилась рассказать о Милиарке и проклятии, обрушившимся когда-то на род Песинг. Вряд ли Радексна стала бы рассказывать своим детям о том, как поступила с несчастным влюблённым и младшей сестрой, поэтому Фердин не сможет ей поверить и посчитает лгуньей.

Сын Фейкуса надолго замолчал, и девушка подумала, что он обижен на неё, но когда граф заговорил, Тия удивилась.

– Совсем недавно мы встретились, и я могу понять твои сомнения. Я хочу, что бы ты знала, я не отвернусь от тебя, а помогу, поверив тому, что ты о себе расскажешь. Я не стану требовать и торопить, всему своё время, но я уверен, настанет момент, когда твоё сердце, доверившись, успокоится. Я твой друг и останусь им, что бы ни случилось. Обещаю.

От таких слов дочери Хардока стало ещё тяжелее, но она поблагодарила Фердина и, отведя лошадей к ручью, напоила

их, пока её друг ходил в лес за хворостом.

Спустя две недели они подъехали к старому замку, одна башня которого была разрушена, а стены почернели от пожара. Альф, тихо зарывав, присел у распахнутых ворот, пригнувшись и двигая ушами.

– Год назад я проезжал мимо и в этом замке жил граф с женой и дочерью. Видимо, тут случился пожар, но почему замок заброшен? – удивился Фердин, разглядывая чёрные проёмы окон.

Тилия обвела взглядом стены, и тут её конь заржал и затопал копытами. За воротами послышался чей-то голос, и к путникам подошла старая худая женщина и спросила:

– Кто тут?

– Мы едем в поместье графа Бергтака Мирантона, – ответил ей Песинг.

– Мирантон. Бедный, бедный, – забормотала старушка.

– Почему бедный? А что здесь случилось? Пожар?

– Огонь... Огонь, взметнувшись к облакам, поглотил наш замок. Огонь, – проговорила женщина и заплакала.

– А где хозяин? – уточнил Фердин.

– Сгорел, он сгорел и все... сгорели, – ответила Зилона.

– А вы?

– Я... я к сестре ездила, а когда вернулась, то замок... полыхал, как сухой хворост. Все сгорели... моя дочка и двое внуков, – старушка снова заплакала и Тия сказала, что они

должны увезти её в поместье Бергтака.

Сын Фейкуса согласился и предложил женщине поехать к Мирантонам, но Зилона замахала руками и, повернувшись, прошла к развалинам замка. Спрыгнув с коня, Тимилия догнала её и, обняв, прижала голову старушки к своему плечу. Женщина, успокоившись, удивлённо посмотрела по сторонам и спросила:

– Кто вы?

– Мы едем в поместье Бергтака Мирантона. Вы не покажете нам дорогу? – попросила Тилия и, отпустив её, покачнулась.

У девушки внезапно закружилась голова, и ей даже пришлось присесть на землю. Соскочив с коня, Фердин подбежал к Тимии, вспомнив о разговоре с Надэльиль Пунсар, которая благодарила Тию за исцеление. Граф поразился, узнав, что племянница Падоса исцеляет руками, как маги в древние времена. Поняв, что и эту женщину Тилия спасла, Фердин поднял её на руки и отнёс к лошадям.

– Мы увезём вас, – предложила Тия.

– Нет, госпожа, благодарю, но я останусь. У меня дочь погибла, внуки, они сгорели в этом замке и кроме них у меня никого не осталось.

– А ваша сестра?

– Она замужем за пекарем, у них восемь малышей, я не хочу стать для неё обузой.

– А как загорелся замок, не знаете? – спросил Песинг.

– Нет. Хозяин наш в последнее время стал ночами по замку раскидывать факелы. Мы бегали за ним, тушили их, но вот, наверное, не уследили, пока я к сестре ездила, – ответила Зилона.

– А почему вы Мирантона бедным называли? – поинтересовался Фердин.

– Так это он меня к замку подвёз, а когда увидел, что башня объята огнём, бросился к дверям. Бергтак вытащил из замка четверых слуг, только потом над ним лестница обвалилась и спину ему перебила.

– Он погиб? – ужаснулась Тимилия.

– Нет, но лучше бы умер. Беда-то какая, жене муки и сыновья, ох.

– Что сыновья? – уточнил Песинг.

– Трое в столице живут, да и четвёртый...

Тилия побледнела, боясь спросить, и вопрос задал Фердин:

– Вы видели Эмирейка?

– Нет, но я слышала, что граф незадолго до пожара приехал в поместье, только вскоре уехал и не знает о несчастье.

– Едем. Садитесь позади меня на лошадь, – проговорил сын Фейкуса, подав старой женщине руку.

– Но, куда же я поеду, кому я нужна? – сокрушалась старушка.

– Думаю, в поместье вам найдётся место. Как вас зовут?

– Зилона, господин.

Проехав по широкой дороге через лес и миновав зелёное поле, всадники приблизились к замку. Светло-коричневый великан с девятью квадратными башнями, выглядывал из-за четырёхметровой каменной стены, и казалось, будто рос из земли, являясь её продолжением и неотъемлемой частью. Сквозь открытые овальные ворота, Тимилия с интересом рассматривала строение, разделённое надвое широкой квадратной башней. При этом оба крыла замка, расходящиеся в стороны, опирались на такие же башни с узкими бойницами, виднеющимися из-под сиреневых четырехгранных крыш. Они были похожи на исполинов, оберегающих земли Мирантон. Имея три этажа, по восемь окон в каждом крыле, замок вовсе не казался лачугой, о которой говорила Эмиль, не желая выходить замуж за Эмирейка. Тилии он показался величественным и мощным, как и её родовой замок, в котором она провела детство и юность.

Тимилию заинтересовали открытые террасы на третьем этаже, окружённые витыми коваными решётками и она подумала о том, какой вид на поместье Мирантон с них открывается, пожелав подняться наверх. Однако когда они подъехали к центральной башне, то разглядев десять мощных колонн, слегка сужающихся к вершине и поддерживающих пятиугольную террасу, которая располагалась на уровне второго этажа, девушка поразилась, так как никогда такого не видела. Эта терраса, сильно выступающая над песочной доро-

гой, закрывала половину площадки перед замком, а её стены от земли до вершин овальных арок были увиты малиновыми и алыми шлейфами роз.

Сын Фейкуса рассказал Тимилии о двух берёзовых аллеях, посаженных прадедом Эмирейка, по одной из которых они проехали. Начинаясь у ворот и сближаясь у дверей замка, аллеи, опоясывая его, выходили в большой сад с цветущими кустами и клумбами. В его центре располагалось небольшое озеро, северную часть которого окружали плакучие ивы, а западную клёны и липы. Прогуливаясь по тропинкам сада можно отдохнуть в беседках и послушать трели соловьёв, обитающих в поместье Мирантон.

Песинг, не разделяющий восхищения спутницы, помог Тилии спуститься с коня и довёл до дверей, так как она вновь побледнела. Уяснив, что девушка теряет силы оттого, что исцеляет людские болезни, граф задумался над тем, кого же Тия лечила в доме Кармола, и вскоре понял – Падоса. Племянница, излечила советника правителя Духчара от какого-то недуга, а когда он ушёл, она, обессилев, упала, и тогда Фердин нашёл её в коридоре.

Открыв двери и узнав друга Эмирейка, слуги засуетились и провели графа в гостиную, расположенную в восточной части замка. Большую квадратную комнату освещали четыре широких окна, выходящие на ряды роз и деревьев, сквозь листву которых пробивались яркие солнечные лучи. Усадив Тимилию в кресло, Фердин попросил слуг принести ей воды

и накормить Зилону. Тут же один из них поспешил к хозяевам замка, что бы сообщить о прибывших путниках и вскоре за дверью раздались шаги.

В гостиную вошла седая стройная женщина, на открытом круглом лице, которой ярко выделялись крупные карие глаза. На вид ей нет и пятидесяти лет, но волосы её белы, как снег с удивлением подумала Тилия, разглядывая вошедшую женщину. Обратив внимание на сиреневое платье незнакомки с белыми кружевами, подчёркивающее фигуру, Тимилия рассмотрела золотой кулон на цепочке с жемчужиной, являющийся её единственным украшением. Подойдя к Фердину, женщина протянула графу руку и улыбнулась. От этого ямочки появились на её щеках, напомнив Тимилии Эмирейку, и она осознала, что перед ними его матушка.

– Здравствуйте, госпожа Инзиа, – сказал Фердин.

– Будь и ты здоров, сынок.

– Простите, что беспокою вас. Я хотел встретиться с Эмирейком, но узнал, что он уехал.

– От кого? – спросила жена Бергтака.

– Нам рассказала служанка сгоревшего замка.

Глаза хозяйки дома наполнились слезами при воспоминании о дне, когда её муж едва не умер, спасая горящих в замке людей. Поняв, что напомнил ей о беде, случившейся с графом, Фердин извинился.

– Ничего, главное, Бергтак жив, – произнесла графиня.

– Я могу зайти к нему? – спросил сын Фейкуса.

– Конечно, только сначала отдохните, а после ужина поговорите, ведь вы устали, – сказала Инзиа, посмотрев на бледную синеглазую девушку.

– Позвольте представить вам мою спутницу. Это Тилия Кармол, она...

Поднявшись и поклонившись, Тия продолжила:

– Подруга сестры Фердина.

– Вы приехали с Эмиль? – удивилась хозяйка замка.

– Нет, она недавно вышла замуж и осталась в столице, – ответил Песинг.

Недоумённо переведя взгляд на девушку, путешествующую с Фердином без сопровождения родителей, Инзиа помрачнела. Спohватившись, друг сына добавил:

– Тия мне, как сестра.

Принимая такие объяснения, и ничего не спрашивая, жена графа Бергтака распорядилась приготовить для гостей комнаты и ушла. Тимилия огорчилась оттого, что не подумала о том, как такое путешествие будет расценено. Она не жена Фердину и не сестра и единственное, что могут о ней подумать, что Тилия любовница графа.

– Не расстраивайся, я поговорю с госпожой и всё объясню. Инзиа такая, как Эмирейк, умная и добрая, она всё поймёт, – успокаивал Тимилию Фердин, когда они остались в гостиной одни.

– Графиня его матушка, а мой поступок более чем опро-

метчив.

– Узнав тебя, как я, Инзиа не станет осуждать, а примет и полюбит.

Тия вздохнула, чувствуя, что доверия графини добиться будет нелегко.

– Опять голова кружится? – встревожился её спутник.

– Нет.

– Исцелив Зилону, ты лишилась сил, – сказал Песинг.

Девушка удивлённо посмотрела на друга, и он рассказал ей о разговоре с Надэльиль Пунсар и о своих подозрениях. Фердин посчитал, что излечивая болезни, Тимилия отдаёт больным свою силу и это опасно в первую очередь для неё самой.

– Ты ведь не маг, а добрая душа, что не может оставаться безучастной к чужой боли. Ты же всех жалеешь и помогаешь, излечивая от тяжких недугов, ценой собственного здоровья. Однако об этой твоей способности исцелять, Инзиа знать не должна, потому что графиня боится магов и прогонит тебя, если что-то заподозрит, – предупредил сын Фейкуса.

– Давай выйдем в сад, – предложила Тилия.

Песинг подал Тин руку и они, медленно идя по извилистым тропинкам, долго молчали, при этом Альф неотступно следовал за своей хозяйкой. Пёс с её лица взгляда не сводил и понимал без лишних слов указания, хотя порой Тимилию это удивляло, ведь он служил Эфтиану. Она часто думала и о том, как магу удалось привести к часовне Мирантона, и

передать ей свою силу, но ответов на эти вопросы Тилия не находила.

– Вовсе не об этом молила небеса, но получив, хочу разделить с теми, кому могу помочь, – присев на скамью, сказала Тия.

– Знаю и потому беспокоюсь, ведь отдавая часть себя, ты слабеешь и сама можешь заболеть.

Фердин присел рядом и взял девушку за руку, а она возразила:

– Не заболею и не умру, пока не исполню мечту Эмирейка.

– Какую?

– Разве у него их много? Что он тебе говорил?

– Мой друг мечтал о том, что однажды, встретив девушку и полюбив её, он будет жить с ней в этом замке, заботясь о родителях и воспитывая детей. Моя сестра не смогла бы составить его счастья. Эмиль умерла бы от тоски в первый же день, а ты осветишь жизнь Эмирейка любовью и нежностью.

Смутившись, Тимилия опустила глаза, ведь Фердин поверил в то, что она невеста его друга и в то, что их связывает любовь. Сын Фейкуса убеждён, с ней Эмирейк обретёт счастье в родовом замке, но как же он далёк от истины, ведь являясь оружием мести и рабом проклятия, наложенного на род Песинг много лет назад, Тия не сможет изменить ничьей судьбы.

Инзиа, подойдя к окну, увидела Фердина, держащего де-

вушку за руку и подумала, что их отношения совсем не такие, как сказал друг её сына. Они влюблены, но поступок их неосмотрителен, ведь узнав о нём, родители, да и общество осудят и не примут такого союза. Девушка юна и красива, но она совсем ещё дитя. Как Фердину пришло в голову привезти её сюда, ведь они даже не обручены?

В комнату зашла служанка с подносом в руках и, поставив его на стол, вышла. Инзиа, отвернувшись от окна, приблизилась к широкой деревянной кровати и посмотрела на Бергтака, лежащего на ней с закрытыми глазами. Когда слуги привезли её мужа из сгоревшего замка, она ужаснулась, увидев его почерневшее тело, сгоревшие волосы на голове и исчезнувшую левую бровь. Алые шрамы, пересекавшие щёку и подбородок, изуродовали лицо, а руки и одежда, бывшие в крови, навели Инзиа на мысль о том, что Бергтак умер.

Мирантона положили на эту кровать, и её муж трое суток не приходил в сознание, а потом выяснилось, что граф не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Бергтак даже не смог говорить с ней и только глаза с беспокойством глядевшие на жену, вопрошали Инзиа о том, что с ним случилось. Лекарь, приехавший в поместье, сказал, что он бессилён чем-то помочь, так как во время пожара Бергтаку перебило позвоночник.

Узнав об этом, Мирантон стал отказываться от еды, и это испугало Инзиа, ведь её муж был сильным человеком, и раз граф перестал принимать пищу, значит, он решил умереть,

что бы освободить жену от страданий. Раньше он открывал и закрывал глаза, если был с ней согласен, но вот уже несколько дней Бергтак никак не реагировал на её вопросы и мольбы. И как только она не убеждала его, мужчина сжимал губы и закрывал глаза, а теперь и вовсе перестал на неё смотреть.

Рассказав мужу о том, что не стала сообщать сыновьям о его состоянии, Инзиа, подойдя и присев на кровать, сказала о приезде Фердина и о том, что друг Эмирейка хочет повидаться с ним. Бергтак резко открыл глаза, и жена поняла, что он не желает, что бы его таким видели. От еды Мирантон снова отказался и закрыл глаза, а Инзиа, пробыв с мужем до вечера, спустилась в гостиную, куда вскоре вошёл Фердин и спросил, как себя чувствует граф.

– Изменений пока нет, – сдерживая эмоции, проговорила хозяйка замка, отведя взгляд в сторону.

– Я могу к нему зайти?

– Бергтак сейчас никого не хочет видеть.

– Тогда завтра, – согласился Песинг.

– Нет, он... не хочет, – в глазах Инзиа заблестели слёзы.

– Понимаю. А Эмирейк скоро вернётся? – спросил сын Фейкуса.

Графиня отошла к окну и вытерла слёзы, струящиеся по щекам.

– Что-то случилось? Он, ведь в столицу поехал? – уточнил Фердин.

Инзиа отрицательно покачала головой.

– Где же он?

– Исполняет свой долг, – помолчав, произнесла несчастная женщина.

– Какой долг? – не понял Песинг.

– Долг верноподданного. Мой сын отправился на север изгонять с земель королевства племя Ийфанков, – ответила хозяйка замка и пригласила гостей к столу.

– Он присоединился к войску Велкана? – поразился Фердин.

– Да, и мы думали, что ты с ним.

– Нет, я его давно не видел.

– Вы поссорились? – встревожилась Инзиа.

– Почему вы спрашиваете, госпожа?

– Эмирейк вернулся другим: молчаливым, потерянным и опечаленным. Я спрашивала, но сын отмалчивался. Эмирейк что-то скрывает, но я чувствую, что его душа страдает.

Молодые люди, сидящие напротив, переглянулись и Инзиа спросила:

– Ты ведь друг Эмирейка, скажи, отчего болит его сердце?

– Не знаю. Я думал, он будет счастлив, – удивился Фердин.

– Отчего?

– Эмирейк помолвлен, – объяснил сын Фейкуса.

– Что?

– Ваш сын встретил добрую и нежную девушку, лучше которой на свете нет, – ответил Фердин, посмотрев на Тилию.

– Он ничего нам не сказал. Нет, ты ошибаешься, в его

сердце царила тоска и боль, оттого он и к войску примкнул, – возразила Инзиа.

– Мой друг тосковал без любимой, её дядя оказался тираном, выступившим против помолвки. Эмирейк человек чести и, видимо, он решил добиться его уважения, вернувшись в столицу с победой, – предположил сын Фейкуса.

Инзиа удивлённо посмотрела на Фердина, не понимая, принимать ли эти объяснения, так как не поверила, что сын мог скрыть от неё такое известие. Посмотрев на светловолосую спутницу Песинга, которая не отрывала глаз от тарелки, жена Бергтака обратила внимание на бледное лицо незнакомки и чёрные дрожащие ресницы. Решив позже наедине поговорить с Фердином, она, после ужина, проводила молодых людей по комнатам и зашла к мужу, рассказать о том, что узнала. Присев напротив, Инзиа сказала:

– Не могу поверить в то, что наш сын мог без твоего согласия просить руки какой-то девушки, ничего нам не сообщив.

Граф открыл глаза и печально посмотрел на жену. Её жизнь была в нём и в детях, но трое старших сыновей уже выросли и уехали в столицу, а теперь и Эмирейк покинул поместье. Причина его отъезда, высказанная Фердином, больше импонировала Мирантону, чем сомнения и беспочвенные догадки Инзиа. Он говорил с сыном и осознал, что Эмирейк хочет добиться славы. И если семья невесты отвергла молодого графа из-за того, что его род не был прославлен в

битвах, и не имеет высокого положения при дворе короля, то Эмирейк мог отправиться с войском Велкана, что бы завоевать признание и быть принятым Зьюфом и его приближёнными.

– Думаешь, Фердин прав? – спросила Инзиа.

Мирантон закрыл и открыл глаза, обрадовав жену тем, что вновь стал ей отвечать.

– Это неправильно. Родители должны договариваться о свадьбе, поэтому Эмирейку и отказали, – высказалась хозяйка замка.

Граф отвёл взгляд в сторону, и она удивлённо уточнила:

– Считаешь, была другая причина?

Бергтак закрыл глаза и Инзиа, хотя и не могла представить иного повода для отказа сыну, спрашивать мужа не стала. Пожелав ему спокойных снов, она прошла в гостиную и, увидев незнакомую женщину, спросила:

– Кто ты?

– Зилона, госпожа, я прачка из сгоревшего замка. Одна я осталась, а дочка моя с детками сгорела. Смилуйтесь, госпожа, позвольте остаться и служить вам.

– Как ты сюда попала?

– Меня господин Фердин привёз, и если бы ни он и госпожа Тимилия, я бы умерла.

Инзиа удивлённо посмотрела на прачку.

– Я ведь умом от горя повредилась и бродила вокруг развалин, всё дочку звала, а Тилия меня пожалела. Госпожа по-

дошла ко мне, обняла, согрела и я вдруг поняла, где нахожусь и что делаю. Позвольте мне остаться, – попросила Зилона.

– Ступай к слугам, – разрешила жена Бергтака.

Прачка, поблагодарив её, ушла, и Инзиа, пройдя в свои покои и присев к столу, написала письмо старшему сыну, который при дворе правителя был главным егерем. Вскоре должна состояться помолвка Димилона, да и второй её сын, живя в Мэтле, успел добиться признания двора и стал советником у главы старейшин Духчара, увезя с собой третьего брата. Это радовало Инзиа, но и огорчало, ведь поместье без них опустело, а теперь и Эмирейк уехал.

Затушив свечи, хозяйка замка легла в постель, и снова ей приснился сон, от которого она вскакивала по ночам в холодном поту. Инзиа увидела себя идущей по полю, над которым плывёт тяжёлый серый туман. Всё вокруг неё становится серым: и земля, и трава, и тени под деревьями.

Вдали появился Эмирейк и подошёл к ней. Инзиа говорит с сыном, но он не слышит её, при этом клубы тумана догоняют его и Эмирейк, качнувшись, поворачивает голову. Инзиа пугает бледность и появляющаяся струйка крови, медленно стекающая от виска к подбородку сына. Вздохнув, Эмирейк падает, а Инзиа, приподнимая с земли его окровавленную голову, кричит:

– Сынок! Сынок!

Теперь увидев и узнав её, Эмирейк сказал:

– Она меня убила.

Инзия поднимает глаза и замечает красивую светловолосую смеющуюся девушку, которая убегает, скрываясь за туманом. Эмирейк умирает на руках матери, а она просыпается от боли, наполняющей сердце.

Этот сон стал сниться Инзия спустя несколько дней после того, как сын уехал. Она плачет, но никому об этом не хочет рассказывать, страдая оттого, что не может уберечь Эмирейка от подстерегающей его беды. Сын собрался в одночасье, простился с ней и, вскочив на коня, умчался. Инзия измучилась от тревоги, ведь прабабушка оставила ей мешочек с заговорённой травой, повторяя, если её носить при себе, то это убережёт от гибели. Выйдя замуж за Бергтака, Инзия забыла о нём, но с тех пор, как ей стал сниться этот сон, вспомнила. Терзаясь из-за того, что не может передать траву сыну, графиня подолгу плакала, умоляя небеса спасти его.

Снова на крик госпожи вбежала служанка, но успокоить растревоженное сердце не смогла.

Тимилии долго не спалось, она прошла в гостиную и просидела на кушетке большую часть ночи, думая о том, что в этом замке родился тот, кто вернул ей жизнь, сняв оковы проклятия. Эмирейк здесь учился ходить и говорить. Крики, огласившие коридоры замка, напугали Тимилию и девушка, пройдя к покоям графини, увидела рыдающую Инзия и служанку около неё. Войдя в комнату и сжав руки хозяйки замка в своих ладонях, Тилия спросила, отчего она плачет. Ин-

зия не могла и слова вымолвить, потому Тия обняла графиню, а когда она успокоилась, то рассказала о сыновьях покинувших поместье и о муже, потом об Эмирейке, которому грозит беда.

– Вы думаете, эта трава спасёт его? – уточнила голубоглазая девушка.

– Да, прабабушка говорила, что её муж, воевавший не один год, вернулся домой только благодаря этой траве.

– Отдайте её Фердину, и он отвезёт ваш оберёг Эмирейку.

Графиня изумлённо посмотрела на незнакомку, ведь сама она об этом не подумала. Поблагодарив за совет, Инзия легла в постель и уснула спокойным и глубоким сном, а Тилия, поднявшись, покачнулась, но на ногах удержалась и, дойдя до своей комнаты, присела в кресло. Когда до рассвета оставалось несколько часов, установив новую свечу в подсвечник, Тия вышла в коридор. Дойдя до двери, за которой лежал хозяин замка, девушка постучала и открыла её.

Просторная комната с широкой деревянной кроватью и круглый стол. На нём, занимая половину поверхности, разместился бронзовый подсвечник с пятью свечами, три из которых уже сгорели, а две погасли. Напротив него кувшин с водой, и четыре книги в кожаном коричневом переплёте. Тяжёлые тёмно-зелёные шторы были наглухо закрыты и Тия, подойдя, зажгла свечи и, поставила на край стола свой подсвечник. Посмотрев на Бергтака, лежащего на кровати, Тимилия поклонилась хозяину замка и произнесла:

– Простите, что беспокою вас, меня зовут Тилия, я приехала с Фердином Песингом. Ваша жена сказала, что вы никого не хотите видеть. Понимаю вас, но прошу выслушать. Один человек, умирая, передал мне свою силу, теперь, когда я прикасаюсь к людям, то могу их лечить.

Бергтак не спал ночами, и эта не стала исключением. После ухода жены, граф подумал о том, что его ждёт в будущем, затем о сыновьях и Фердине. В дверь постучали и, увидев красивую девушку, он, сначала посчитав, что умер, обрадовался, но услышав, что незнакомка приехала с Фердином, огорчился. До Бергтака не сразу дошёл смысл слов, сказанных Тией, но когда он понял, девушка добавила:

– Января был могущественным магом. Я не стану рассказывать о том, как мы с ним встретились и отчего именно мне он передал свои знания, так как это тяжёлая и печальная история. Узнав, что вы пострадали, я подумала, что могу вам помочь. Вы позволите?

Черноволосый мужчина с гордым профилем, и с бородой, достигающей середины груди, с безвольно лежащими на покрывале руками, нахмурился, считая, что ему никто не поможет. Граф не смог ответить и прогнать гостью, а она, подойдя ближе, спросила:

– Вы можете повернуть шею?

Бергтак, мысленно ругая слуг и жену за то, что впустили к нему девушку, разозлился.

– Я прикоснусь к вашей голове, и вы почувствуете тепло, –

проговорила незнакомка и приложила маленькую ладошку к его лбу.

Чёрные глаза графа сверлили и гнали, и Тия чувствовала его отношение, но решила, что не уйдёт, пока не исцелит отца Эмирейка.

– Вы чувствуете? – уточнила она.

Бергтак закрыл глаза, не желая смотреть на шарлатанку, но тут нежное тепло разлилось по лицу, окутав лоб, щёки и уши. Удивлённо посмотрев на незнакомку, граф не поверил своим ощущениям, а она произнесла:

– Сейчас я коснусь шеи.

Переместив ладонь к подбородку мужчины, Тимилия вскоре приложила руку к левой стороне шеи, а потом к правой. Ничего не понимая, Мирантон следил за бледным лицом красавицы, глаза которой были скромно опущены к полу.

– Теперь я подниму вашу голову над подушкой, – тихо сказала Тилия.

Аккуратно подложив ладонь под шею мужчины, девушка закрыла глаза, а Бергтак, чувствуя волнами прокатывающее по голове и шее тепло, вскоре заснул и проспал до полудня. Качнувшись, Тия положила голову Мирантона на подушку и присев на кровать, взглянула в волевое лицо графа.

– Обещаю, что помогу осуществиться мечтам Эмирейка. Ваш сын встретит добрую девушку, женится на ней и станет жить в этом замке, опекая вашу старость. Вы будите ходить,

и когда он вернётся, то встретите его у дверей замка. Вы обязаны бороться за свою жизнь ради вашей семьи, так как она самое дорогое, что нам даровано судьбой.

Поднявшись, дочь Хардока ушла, не зная того, что сквозь сон Бергтак её слышал и, проснувшись, всё вспомнил. Мирантон посчитал, что девушка ему привиделась. В окно с криком ударилась птица, и мужчина слегка повернув голову, взглянул на шторы, закрывающие его, затем перевёл взгляд на стол и замер. Его шея повернулась, он видит стол, кувшин и подсвечник. Не поверив в это, Бергтак медленно повернул шею, и голова ровно легла на подушку.

Как же так? Она двигается, но ведь вчера он и слегка кивнуть головой не смог. Лекари сказали, что этого никогда не произойдёт. Не понимаю. В этот момент перед глазами мужчины всплыл бледный образ красивой девушки, обещавшей излечить его. Повернув шею вправо и влево, граф закрыл глаза со страхом и радостью, думая о том, возможно ли это? Может ему приснилось всё и сейчас он тоже спит? Почему не приходит Инзиа? Утро сейчас или уже вечер?

Дверь отворилась и вошла служанка, которая принесла кувшин с водой и раздвинула шторы. Подойдя к графу, женщина поклонилась и, взглянув на него, хотела уйти, но тут она обратила внимание на то, что хозяин закрывает и открывает глаза. Испугавшись, служанка убежала, посчитав, что Бергтак её выгоняет. Увидев хозяйку, идущую из сада, она всё ей рассказала. Оставив цветы в гостинной, Инзиа подня-

лась в покои мужа и, войдя, улыбнувшись, сказала:

– Ты сегодня долго спал.

Брови мужчины искривились, ожидая её объяснений.

– Полдень уж миновал. Умоляю, поешь, хотя бы сегодня.

Граф указал глазами на окно и она, распахнула створки, проговорив:

– День тёплый и птицы высоко летают. Дождя не будет.

Взгляд Инзиа сначала устремился к белым облакам, затем к деревьям и она нахмурилась, увидев девушку, гуляющую по тропинке в саду.

Покинув покои графа на рассвете, Тимилия подошла к своей комнате, но передумав, повернулась и постучала в другую дверь. Ответа не последовало и девушка, войдя, приблизилась к кровати. Молодой человек спал на животе, сбросив одеяло на пол. Смутившись, Тилия хотела уйти, но потом, присев на кушетку и не глядя на друга, сказала:

– Фердин, проснись. Фердин.

Вздыхнув, граф пошевелился и повернулся на бок.

– Фердин, прошу, проснись.

Потянувшись и зевнув, сын Фейкуса открыл глаза и про-
бормотал, увидев любимую:

– Тия... ты не спишь.

– Нам нужно поговорить, – произнесла Тилия, поворачиваясь к двери.

Осознав, что она в его комнате, Фердин быстро оделся и,

подойдя к ней, сел рядом. Заметив, как Тимилия бледна, Песинг огорчился, посчитав, что девушка не спала этой ночью.

– Госпожу Инзиа давно беспокоят сны, в которых её Эмирейк умирает. В этом она винит себя, потому что не успела отдать ему оберёг, доставшийся ей от прабабушки. Ты должен отвезти его другу и убедить Эмирейка надеть. Это успокоит материнское сердце и возможно, уберёжет её сына от беды.

– Ты веришь в силу заговоров и оберёгов? – удивился сын Фейкуса.

– Прошу, исполни просьбу госпожи.

– Я рад буду увидеть Эмирейка, но вот наденет ли он оберёг, не уверен. Я люблю его, как брата и постараюсь уговорить. Ты вернёшься к Падосу?

– Нет, останусь здесь.

– Что ты задумала?

– Я говорила с графом и попробую ему помочь.

– Ты с ума сошла! Я слышал, слуги считают, что Бергтаку осталось жить несколько дней. Помогая ему выжить, ты убьёшь себя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.